ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 54-55

Проф. С. К. ГОГЕЛЬ

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Всеобщая Библіотека

№ 54-55

Глубокоуважаемому
Бар. М. А. Таубе
от автора, который
сочувствует в перв...
мысли при несогласии во вз...

Проф. С. К. ГОГЕЛЬ

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Русское Универсальное Издательство
БЕРЛИНЪ
1 9 2 3

Типографія Куммеръ и Ко.
Berlin C. 2, Neue Promenade 6

I.

Имѣется-ли въ дѣйствительности кризисъ.

Европейская культура и современный общественный строй переживаютъ кризисъ.

Это несомнѣнно, хотя немногіе сознаютъ серьезность положенія и глубину кризиса. Если не считать легкомысленнаго и фантастическаго сочиненія Шпенглера, то нѣтъ сочиненія, которое сколько нибудь всесторонне освѣщало бы вопросъ.

Большинство политическихъ дѣятелей, считаясь, какъ можетъ быть это и подобаетъ практическимъ дѣятелямъ, только съ ближайшимъ будущимъ, разсматриваетъ происходящее исключительно какъ послѣдствіе войны, конечно временное, давая этому ближайшему будущему за то очень мрачную оцѣнку. Такъ предсѣдатель Итальянскаго Совѣта Министровъ въ Публичномъ Засѣданіи Сената въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1920 г. заявилъ, что Европа идетъ на смерть, имѣя въ виду, повидимому, голодъ. На конгрессахъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ раздаются рѣчи о катастрофическомъ положеніи англійской промышленности и торговли. Ввозъ превышаетъ все время вывозъ, вывозить нечего, ни машинъ ни угля — главныхъ

во всѣ времена предметовъ англійскаго вывоза нѣтъ. Производство, оставленное, такъ сказать, на время войны оказалось не только притухшимъ, а и совсѣмъ потухшимъ и возстановить его удастся не скоро. Во французской Палатѣ Депутатовъ и французской прессѣ по поводу всякихъ проэктовъ заявлялось неоднократно, что съ заказами торопиться нечего, ибо заводы ни одного заказа все равно ранѣе какъ черезъ два года исполнить не могутъ. Общая картина всюду одна и та же; нѣтъ продуктовъ питанія, нѣтъ сырыхъ матеріаловъ для обработки, нѣтъ работы для массъ, возвратившихся съ войны, нѣтъ капиталовъ, а есть бумажныя деньги въ такомъ же количествѣ, какъ имѣется всегда векселей у несостоятельнаго должника.

Ужъ очень большой пиръ былъ данъ богу войны. Весь культурный міръ покрылся чуть ли не вплотную чрезвычайной величины кострами, на которыхъ въ честь бога войны, отъ котораго безсмысленно чего то ждали, приносились безъ числа въ жертву человѣческія жизни и имущество, накопленное вѣками. Когда культурное человѣчество очнулось отъ психическаго экстаза, то оказалось, что люди собственными руками произвели второй потопъ. И въ самомъ дѣлѣ, по вычисленіямъ бывшаго Президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Вильсона міровая война обошлась Великобританіи въ 207000000000 франковъ, Франціи — 135 мильд. 200 мил. франковъ, Россіи — 93 мильд. 600 мил. франковъ, Италіи — 67 мильд. 600 мил. франковъ. Такимъ образомъ безъ Америки общая сумма расходовъ составляетъ 639 мильд. 600 мил. франковъ. Германіи и Союзнымъ съ ней Державамъ 327 мд. 600 мл. Если имѣть въ виду требо-

ванія на возстановленіе опустошеній въ одной Франціи — 231 мд. франковъ, то мы перейдемъ къ той цыфрѣ, съ которой мы знакомились только въ школѣ (бильоны, трильоны и т. д.).

Людьми воюющія Державы потеряли: Россія — 1700 тысячъ человѣкъ, Германія — 1600 тысячъ человѣкъ, Франція — 1385 тысячъ человѣкъ, Англія — 900 тысячъ человѣкъ, Соединенные Штаты — 50 тысячъ человѣкъ, всего 7450 тысячъ человѣкъ*), а въ общемъ пострадало до 30 милліоновъ. Можно ли при такихъ условіяхъ сравнивать міровую войну съ прежними войнами, называть ее второй Отечественной Войной, какъ это дѣлалось у насъ. Наполеонъ со своими 12 языками привелъ въ Россію всего 450 тысячъ человѣкъ, т. е. приблизительно $^1/_{18}$ того числа людей, которое было убито въ міровую войну и занялъ при вступленіи фронтъ на протяженіи 35 верстъ. Міровая война по размѣрамъ совершенно небывалое въ исторіи человѣчества явленіе.

Но и въ отношеніи возникновенія, причины и цѣли и въ отношеніи самаго веденія, пріемовъ и средствъ, она не имѣетъ въ исторіи ничего себѣ подобнаго. Цѣлью было не отторженіе провинціи, не принужденіе къ уплатѣ контрибуціи, цѣлью было устраненіе конкурента по промышленности и торговлѣ. Но вѣдь такая цѣль достижима только при условіи полнаго уничтоженія конкурента иначе энергія и знаніе останутся и у побѣжденнаго противника и конкуренція вновь возобновится съ прежней силой. Ставить же цѣлью уничтоженіе

*) Cp. G. Le Bon, Psychologie des temps nouveaux. 1920.

народовъ, насчитывающихъ десятки милліоновъ людей, является просто актомъ безумія. Такъ же и безумно и безнравственно и все дальнѣйшее въ этой войнѣ. При избраніи этого средства для разрѣшенія вопроса конкуренціи легкомысленно забыли не только о полномъ несоотвѣтствіи этого средства борьбы всѣмъ столь звонко проповѣдываемымъ въ наше время чувствамъ гуманности, приводящимъ даже къ заботамъ на общественный счетъ о недоноскахъ, но забыли о болѣе значительномъ. О томъ, что война, это вѣковое старое средство, благодаря новымъ демократическимъ законамъ о воинской повинности, придаетъ нынѣшнимъ войнамъ характеръ, ничего общаго не имѣющій съ прежними войнами — характеръ истребленія массоваго, почти всенароднаго, по крайней мѣрѣ дѣеспособнаго мужского населенія. Здѣсь шла рѣчь о призывѣ, избіеніи, искалѣченіи, зараженіи сифилисомъ, тифомъ и другими болѣзнями десятковъ мил. людей. Но безсовѣстность и неразборчивость въ средствахъ современнаго человѣчества такъ велика, что передъ этими сказочными и невиданными человѣческими жертвоприношеніями, при существованіи сотенъ милѣйшихъ обществъ покровительства животнымъ, не остановились. Но забыли и о другомъ, или вѣрнѣе сказать не забыли, а наоборотъ кичились другъ передъ другомъ несомнѣнно достигнутымъ человѣчествомъ прогрессомъ, хотя и самаго низкаго вида прогрессомъ въ области техники, которая увеличила во многія тысячи разъ возможность и жестокость истребленія себѣ подобныхъ. Выполненіе военныхъ, въ сущности просто животно-враждебныхъ дѣйствій, не оставило уже никакого сомнѣнія, что человѣче-

ство руководится принципомъ: цѣль оправдываетъ всякія средства. Побѣдить враждебное войско было только одной изъ многихъ цѣлей. Главною цѣлью было погубить враждебный народъ, погубить возможно большее число людей изъ враждебнаго народа, при чемъ не ограничивались одними сражающимися, но переходили и къ мирному населенію. Такъ было всегда при бросаніи бомбъ съ аэроплановъ; бомбы въ 99% попадали не въ сражающихся. Въ смыслѣ звѣрства и многочисленности жертвъ истребленія народы конкурировали въ изобрѣтеніяхъ, при чемъ зараза изобрѣтенія усвоивалась противникомъ очень быстро, такъ было съ удушливыми газами, съ ослѣпляющими газами, съ капканами передъ проволочными загражденіями и т. д. безъ конца. Для личнаго рыцарскаго мужества оставалось мало мѣста, за то звѣрство прославлялось. Такъ казакъ Крючковъ за то, что убилъ 14 нѣмцевъ, обезсмертенъ на лицевой сторонѣ коробокъ съ весьма распространенными папиросами. Добиваніе раненыхъ было обычнымъ явленіемъ. Въ смыслѣ разоренія матерьяльнаго еще менѣе стѣснялись въ выборѣ средствъ. Печатаніе кредитныхъ билетовъ враждебнаго Государства на милльярды представлялось обычнымъ средствомъ. Изведеніе враждебнаго народа голодомъ считалось необходимымъ средствомъ войны. Разореніе построекъ и хозяйства также признавались естественнымъ и необходимымъ. Разложеніе нравственное враждебнаго народа, путемъ распространенія завѣдомо ложныхъ извѣстій, политическихъ теорій и т. д. давало весьма успѣшные плоды. Передъ чѣмъ человѣчество останавливалось въ этой нечеловѣческой

міровой бойнѣ? Ни передъ чѣмъ. Но вѣдь большинство всѣхъ этихъ милыхъ мѣръ предпринималось не въ пылу боя, а подготовлялось заранѣе, спокойно и обдуманно. И какъ же послѣ этого можно сомнѣваться въ ужасающемъ нравственномъ паденіи человѣчества. А думали-ли о другихъ послѣдствіяхъ: объ озвѣреніи, огрубѣніи и нравственномъ паденіи собственнаго народа, о частичномъ, или даже полномъ разореніи своемъ собственномъ. Но если не думали, то гдѣ же прогрессъ разума, навыка дѣйствовать не на авось, а культурно. Орудія истребленія выдумали, а главнаго то и не сообразили — чѣмъ все это кончится? Оказалось, что не отдѣльные только люди, но и цѣлые народы дѣйствуютъ не по велѣніямъ разума, а исключительно подъ вліяніемъ похотей, страстей, животныхъ инстинктовъ. Вотъ что отразила и ярко выявила война.

Оказалось, что развитіе общественнаго строя происходитъ безсознательно. Къ сожалѣнію на этотъ фактъ обратили вниманіе только за два года до войны. Произошло это на послѣднемъ конгрессѣ соціологовъ въ Римѣ въ 1912 году, труды котораго были всецѣло посвящены одному вопросу о прогрессѣ (томъ трудовъ этого конгресса и носитъ названіе «Le Progrés»). Что же оказалось? Физическаго прогресса по заключенію такого выдающагося антрополога, какъ Манувріе, не установлено. Если культура въ Греціи погибла (остановилась въ своемъ развитіи и послужила только матерьяломъ для развитія культуръ другихъ народовъ), то произошло это по мнѣнію Манурвіе, вовсе не потому, что греки какъ нибудь физически измѣнились,

а потому, что измѣнился общественный и соціальный строй, благопріятный для развитія очаговъ культуры. Что касается до прогресса въ культурѣ и въ особенности въ общественномъ строѣ, то участники конгресса выразили сомнѣніе, имѣется ли дѣйствительно прогрессъ, если понимать таковой, какъ послѣдовательное усовершенствованіе и улучшеніе. Имѣется послѣдовательное развитіе, смѣна формъ культуры и общественнаго строя. Но эта смѣна происходитъ не въ силу сознательной дѣятельности людей, стремящихся къ извѣстнымъ цѣлямъ, а стихійно и въ значительной мѣрѣ не только отклоняется отъ предположеній людей, но даже неожиданно для нихъ идетъ въ совершенно противоположномъ направленіи. Вспомнимъ хотя бы всѣ предположенія Адама Смита и его школы и соотвѣтственное законодательство и дѣйствительность, которая показала весь вредъ и всю безнравственность необузданной конкурренціи. Можно далѣе указать на бурное стихійное движеніе въ города, благодаря которому уже подавляющее большинство населенія живетъ въ городахъ и рискуетъ превратиться въ физическихъ и нравственныхъ уродовъ. А человѣчество вынуждено ограничиться сводками печальныхъ статистическихъ данныхъ и ничего не можетъ подѣлать съ бурнымъ безсмысленнымъ стихійнымъ движеніемъ.

При такихъ условіяхъ особенно важно и даже страшно думать о томъ, куда влечетъ человѣчество послѣдовательно происходящее помимо его воли развитіе. Не къ большевизму ли, какъ необходимой стадіи развитія передъ концомъ, не къ возвращенію ли вновь назадъ къ натуральному хо-

зяйству, которое мы уже отчасти наблюдаемъ и которое произошло и въ древней культурѣ передъ окончательной гибелью.

Немногіе мыслители рѣшились даже высказать въ робкой и затуманенной формѣ свои опасенія по этому поводу. Они оказались историками, представителями той научной дисциплины, которая стоитъ наиболѣе близко къ соціологіи, какъ наукѣ, изучающей законы развитія и гибели общества. Авторъ извѣстнаго сочиненія, переведеннаго и на русскій языкъ (Сѣверо-Американская Республика) Джемсъ Брайсъ напечаталъ «мысли историка о войнѣ». Соображенія Брайса идутъ гораздо дальше войны, они являются прямыми, хотя и не открыто выраженными, опасеніями за судьбу нашей культуры. Онъ находитъ, что міровая война нанесла страшный ударъ международному праву. Нейтральныя государства спрашиваютъ себя, стоитъ ли заключать международные договоры вообще. Тяжкое впечатлѣніе производитъ признаніе всего мирнаго населенія воюющей державы врагомъ, по отношенію къ которому все дозволено. Между тѣмъ обычаи и даже международныя соглашенія до войны провели границу между сражающимися и не участвующими въ войнѣ. Еще болѣе печально, что произошло, по мнѣнію Брайса, какъ будто-бы рѣзкое разъединеніе между требованіями нравственности, обязательными для отдѣльнаго человѣка и таковыми же требованіями, предъявленными къ Государству. Пока во главѣ государствъ стояли монархи, такого разъединенія не было. Были извѣстные поступки, несовмѣстимые съ ихъ честью, невозможные для нихъ лично. Когда Карлъ V отдалъ себя

въ распоряженіе французскаго Короля Франциска I, онъ зналъ, что это его врагъ, но не сомнѣвался, что извѣстныя границы въ отношеніяхъ Францискомъ не будутъ перейдены, и не ошибся. Но съ тѣхъ поръ какъ укрѣпилась безличная идея государства, — все измѣнилось. Для государства теперь всѣ средства хороши, лишь бы раздавить своего врага, нѣтъ ни чувства чести, ни чувства гуманности, все дозволено. Но не можетъ ли заявить и отдѣльная личность требованія на уравненіе въ правахъ съ государственною личностью въ смыслѣ полнаго освобожденія отъ всякихъ нравственныхъ «предразсудковъ»?

Не менѣе смущаетъ Брайса совершенно небывалый доселѣ размахъ міровой войны. За послѣдніе два вѣка войны стали рѣже, но кровопролитнѣе прежняго. Едва ли есть основаніе надѣяться, что войны, подобныя настоящей, не будутъ повторяться. Всѣ мотивы войнъ остаются тѣ-же, матерьяльные и личные. Если религіозный фанатизмъ едва ли можетъ вызвать въ наше время войну, то зато являются теченія въ пользу того, чтобы заставить противника мыслить такъ, какъ мыслитъ народъ, начинающій войну. Къ сожалѣнію, говоритъ Брайсъ, вѣчные мотивы войнъ: эгоизмъ, наклонность къ грабежу и тщеславіе не убавились. Какія же силы могутъ сдерживать воинственныя наклонности? Христіанство, но Апостолы первыхъ двухъ вѣковъ удивились бы всей послѣдующей дѣятельности христіанской Церкви. Классовое сознаніе солидарности между собой рабочихъ и демократическія настроенія, какъ показываетъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, не удерживаетъ отъ войнъ.

Нѣтъ основаній надѣяться и на измѣненіе современныхъ взглядовъ на государство, которое считается обязаннымъ покровительствовать производству и завоевывать новыя территоріи для этой цѣли. Чувство человѣчности скорѣе слабѣетъ по сравненію съ соціальнымъ. Международный судъ не справится съ слишкомъ серьезными столкновеніями интересовъ. Скорѣе можно разсчитывать на ростъ judicium orbis terrarum и на растущее у англичанъ сочувствіе къ народамъ, постигнутымъ какимъ нибудь бѣдствіемъ. Вспомнимъ, что авторъ этихъ строкъ, при всей своей несомнѣнной научной объективности, писалъ свою статью еще тогда, когда народъ, къ которому онъ принадлежитъ, велъ съ другимъ народомъ міровую войну и когда ему было просто невозможно безъ опасенія жестокаго остракизма англійскаго общественнаго мнѣнія коснуться свободно причинъ данной міровой войны. Но и при такой оговоркѣ общіе выводы, не дѣлающіе исключенія и для англичанъ, достаточно краснорѣчивы и чрезвычайно мрачны. Ни о какомъ прогрессѣ, по мнѣнію Брайса, не можетъ быть и рѣчи, все скверное, унаслѣдованное отъ прошлыхъ вѣковъ, не только цѣликомъ сохраняется, но еще усиливается новыми теченіями, которыя такъ же вредны для прогресса какъ и прежде. Объединяя соображенія Брайса, нельзя не сдѣлать вывода, вполнѣ повидимому согласнаго съ его мыслями, о томъ, что замѣчается скорѣе регрессъ въ человѣческой культурѣ и общественномъ строѣ.

Другой извѣстнѣйшій французскій историкъ Эрнестъ Лависъ помѣстилъ въ «Revue de Paris», но уже послѣ войны (книжка перваго іюля 1919 г.)

статью подъ заглавіемъ «Мысли во время войны». Статья горячо патріотическая съ восхваленіемъ французовъ до высшихъ предѣловъ, но и онъ не могъ воздержаться отъ совершенно пессимистическихъ взглядовъ на будущее. Можно ли надѣяться на миръ въ будущемъ; да, конечно образовано Общество Націй, но надѣяться на него — говоритъ Лависъ — трудно. Къ сожалѣнію, этотъ сдержанный отзывъ Лависа пока оправдывается хотя бы тѣмъ, что въ составѣ Лиги Націй не имѣется еще многихъ народовъ, а при такихъ условіяхъ эта Лига едва ли можетъ обезпечить общій миръ. Далѣе въ той же статьѣ Лависъ не совсѣмъ въ связи съ другими своими разсужденіями останавливается на томъ, что ждетъ человѣчество въ будущемъ, и, цитируя слова извѣстнаго знатока исторіи права Фюстеля де-Куланжъ, заявляетъ рѣшительно и совершенно согласно съ указанными выше мнѣніями послѣдняго конгресса соціологовъ, что пока существуетъ только прогрессъ безсознательный и человѣчество не знаетъ, куда оно идетъ, ему доступно оцѣнивать прошлое, но не предвидѣть будущее.

Итальянскій ученый Гугліемо Ферерро коснулся интересующаго насъ вопроса въ болѣе широкихъ предѣлахъ. Онъ опубликовалъ на страницахъ журнала «Revue de Paris» (15 мая 1918 г.) главу изъ его готовившагося къ печати сочиненія подъ заглавіемъ «Латинскій геній и современный міръ». Опубликованной главѣ дано очень оригинальное названіе «помѣшательство на идеѣ безпредѣльнаго» (La folie de l'illimité). Наша культура зародилась и развивалась въ древнее время и въ средніе вѣка вокругъ Средиземнаго Моря. Оно

было какъ-бы территоріальнымъ предѣломъ распространенія культуры того времени. Эта предѣльность горизонта оказывала вліяніе и на все міровоззрѣніе. Съ открытіемъ Америки предѣловъ распространенія культуры какъ будто больше не существовало.

Мысль о безпредѣльности человѣческихъ силъ и въ особенности духа все болѣе завоевывала культурные народы.

Ни въ чемъ предѣловъ больше не знали и не хотѣли знать. Мало по малу былъ ослабленъ всякій сдерживающій, полагающій предѣлы, авторитетъ религіи, нравственности, обычаевъ, регулирующихъ внѣшнія отношенія людей. Люди, говоритъ Фереррo, обладаютъ могуществомъ, богатствомъ, знаніемъ, свободой. Но есть-ли какая нибудь сдержка для влеченій къ безграничной наживѣ, ко лжи, къ обману, къ страстямъ? Законы и правосудіе вовсе не могутъ уловить этихъ «увлекающихся». Всякое значеніе традицій разрушено, всякія стѣсненія отвергнуты. Въ отношеніяхъ людей проявляется все большая грубость, упрощеніе и какъ у вымиравшей классической культуры — безплодіе. Богатство, наслажденіе и только трудъ — напряженіе, и въ трудѣ и въ наслажденіяхъ нѣтъ предѣла. Добыто все это дорогой цѣной. Пожертвовали и нравственными и эстетическими и общественными началами. Современная цивилизація груба, некрасива и невѣжественна. Силѣ и скорости пожертвовали всѣмъ. Богатство не средство для удовлетворенія разумныхъ потребностей, нѣтъ, оно само самостоятельная цѣль, создающая новыя потребности. О самоусовершен-

ствованіи и нравственной высотѣ совершенно забыли, забыли и о воздержаніи отъ насилія надъ слабыми. Мы не имѣемъ времени задумываться и сосредоточиваться. Все производство — недобросовѣстная поддѣлка — и притомъ при содѣйствіи ученыхъ химиковъ. Духъ справедливости и милосердія совсѣмъ исчезаетъ, остается одна грубая борьба силъ. Съ устраненіемъ стѣсненій вся жизнь одни излишества, а въ грубости преимущества, которыя могутъ быть грозны.

Маркизъ Окума заявилъ опасенія, не идетъли современная цивилизація по пути Вавилона, Египта и Рима?

Нельзя наконецъ не остановиться на столь нашумѣвшемъ сочиненіи Шпенглера «Гибель Запада» (Der Untergang des Abendlandes), оно вѣдь разошлось (I т.) въ количествѣ болѣе 40.000 экземпляровъ, второй томъ уже не находитъ покупателя. И это очень симптоматично. Повидимому, именно названіе сочиненія въ такой степени отвѣчало душевнымъ сомнѣніямъ многихъ, что помимо содержанія обезпечило распространеніе. И дѣйствительно содержаніе, въ виду отправныхъ точекъ зрѣнія автора, ни въ какой мѣрѣ не выявляетъ ни въ чемъ состоитъ современный кризисъ, ни какія его причины. Авторъ, учитель математики въ среднемъ учебномъ заведеніи, удалился отъ своей дѣятельности на нѣсколько лѣтъ для написанія своего сочиненія. Конечно онъ пожелалъ себя прославить на весь міръ оригинальностью своей теоріи, прослыть пророкомъ вродѣ тѣхъ, которые появлялись въ тѣ эпохи, когда человѣчество безпокоилось за буду-

щее, совсѣмъ безпричинно, напримѣръ, по поводу достиженія 1000 лѣтъ послѣ Р. Х. и по другимъ столь же основательнымъ причинамъ. И сочиненіе Шпенглера предсказываетъ гибель Западу вовсе не изъ за ужасовъ міровой войны, не изъ за грозныхъ признаковъ серьезнаго кризиса и въ этой культурѣ и въ общественномъ строѣ, онъ ими вовсе и не занимается, а изъ за того, что всѣ культуры проходили періоды весны, лѣта, осени и зимы и погибали и вотъ мы находимся уже въ періодѣ зимы и намъ остается жить не болѣе 200 лѣтъ. Культура живетъ, пока продолжается творчество, когда послѣднее прекращается, то произведенія культуры получаютъ распространеніе, но это уже не культура, а цивилизація. Авторъ издѣвается надъ дѣленіемъ исторіи на древнюю, среднюю и новую. Никакой одной общей исторіи человѣчества нѣтъ, никакой преемственности въ развитіи нѣтъ. Есть рядъ культуръ, имѣвшихъ каждая свою судьбу, освѣщавшихъ каждая въ музыкѣ, математикѣ и искусствѣ по своему вопросъ о своей судьбѣ и неизбѣжно проходившихъ возрасты. Для такой ломки автору приходится пожертвовать, правда, немногимъ: ну, этакъ, выкинуть христіанство совсѣмъ и не упоминать ни о немъ, ни о его вліяніи на современную культуру, выкинуть египетскую культуру, арабскую. Древнія культуры жили моментомъ, для нихъ не было исторіи, онѣ имѣли (Apollinarische Seele) душу Аполлона, а у нашей культуры — Faustische Seele — душа, полная энергіи, движенія, для нея есть исторія. Надо упомянуть, что авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на математикѣ, музыкѣ, искусствѣ, оставляя въ тѣни науку, технику и не касаясь

вовсе религіи, права, общественнаго строя, хозяйства.

И вся эта ломка понадобилась только для того, чтобы было возможно пророчество о гибели. И оно наглядно выражается въ историческихъ таблицахъ, которыя опредѣленно указываютъ, какія эпохи одной культуры соотвѣтствуютъ эпохамъ другой культуры. Я приведу нѣсколько примѣровъ для наглядности. Периклъ и Людовникъ XIV оказывается знаменуютъ собой одну стадію общественнаго развитія. Въ математикѣ Лапласъ соотвѣтствуетъ математикамъ Индійскимъ за 3000 лѣтъ до Р. Х., авторъ правда прибавляетъ «о нихъ ничего не извѣстно, но они должны были быть». Въ музыкѣ Вагнеръ, Берліозъ и Шуманъ соотвѣтствуютъ музыкѣ толстогубыхъ, полудикихъ Гиксосовъ, покорителей Египта, хотя о такой музыкѣ даже въ лучшемъ сочиненіи по исторіи Египта профессора въ Чикаго и почетнаго члена Берлинской Академіи Наукъ Бристеда нѣтъ ни слова.

Но для тѣхъ читателей Шпенглера, которые вмѣстѣ съ нимъ послѣдовали бы въ дебри великихъ жертвъ въ ущербъ здравому смыслу, можетъ наступить большое разочарованіе, если они узнаютъ, что самъ Шпенглеръ совсѣмъ ужъ не увѣренъ въ своемъ пророчествѣ и жертвы пожалуй принесены напрасно. Въ другомъ своемъ сочиненіи «Прусскій геній и соціализмъ» (Preussentum und Socialismus) авторъ утверждаетъ, что если прусскій геній съ его чувствомъ долга и дисциплины сохранится, то гибели Запада не будетъ. Какъ правда хорошо, какой авторъ добрый, пожалуй еще по-

живемъ. Возражать автору пожалуй и не стоитъ, но нѣсколько замѣчаній сдѣлать необходимо. Современная исторія — вспомнимъ хотя бы классическое по талантливости сочиненіе того же Бристеда — «Ancient Times», 1918, курсъ древней исторіи и 3 тома профессора Брейзига «Kulturgeschichte der Neuzeit», 1901—1903 г., доказала съ неопровержимымъ блескомъ, что погибали отдѣльныя государственныя единенія, народы теряли свое государственное бытіе, но ни одна крошка ни одной культуры не погибла, переходя (говоря еще сокращенно) отъ Египтянъ къ Финикіянамъ, отъ нихъ къ Грекамъ (письменность) и отъ послѣднихъ черезъ Римъ — къ намъ. Отрицать преемственность культуры въ Германіи, которая до 1896 г. (изданіе новаго гражданскаго кодекса) жила по римскому праву, начавшемуся съ почти доисторическихъ 12 таблицъ, говорить о какой то Faustische Seele и не упоминать о христіанствѣ — это такое невѣжественное диллетантство, что оно вполнѣ заслуживаетъ названія, даннаго однимъ изъ критиковъ Шпенглера, проф. Шольцемъ, сказавшимъ, что это поэтическія вольности въ мысляхъ (Gedankendichtung). Это просто прыжки primae balerinae, которая ногами пожелала выразить въ характерномъ танцѣ страсть. И если о Шпенглерѣ можно упоминать, то только какъ о яркомъ примѣрѣ современнаго болѣзненнаго разстройства душъ и умовъ, гдѣ всякое декадентство можетъ прійтись по вкусу — это лишнее доказательство переживаемаго культурой кризиса.

То, что одновременно съ кризисомъ культуры существуетъ и кризисъ въ современномъ общественномъ строѣ тоже несомнѣнно. Такъ нельзя

не отмѣтить движеніе противъ парламентарно-демократическаго строя. Является моднымъ взглядъ на парламентъ, какъ на говорильню, на парламентаризмъ, какъ на современное ослабленіе общественной власти и искаженіе идеи государства. Сочиненіе профессора Вѣнскаго Университета Спана (Spann, Der wahre Staat, 1921), въ которомъ авторъ доходитъ до восхваленія большевиковъ за то, что упразднили разговоры и своими совѣтами ввели въ жизнь волю и власть. Пророчествуетъ, что индивидуализмъ будетъ замѣненъ универсализмомъ, коллективнымъ духомъ, но что пока мы присутствуемъ только при родовыхъ мукахъ. Взамѣнъ современнаго строя и въ подражаніе американскому движенію (Cooley и др.) проектируется какое то представительство по призваніямъ, профессіональное. Призваніе и профессія являются очереднымъ предметомъ изученія (см. Dr. E. Tatarin-Tarnheyden, Die Berufstände, 1922; Karl Dunkmann, Die Lehre vom Beruf, 1922 и т. д.).

Новая германская конституція, пусть даже весьма декларативнаго характера, выставила цѣлый рядъ новыхъ положеній объ обязанностяхъ человѣка и гражданина. Каждый долженъ трудиться, собственникъ земли не имѣетъ права оставлять свой участокъ безъ обработки, безработные должны получать работу, государство можетъ соціализировать тѣ производства, которыя для этого достаточно созрѣли. Рядъ законовъ германскихъ организуетъ новыя учрежденія и центральный экономическій совѣтъ и особые Betriebsräte, которые призываютъ рабочихъ къ контролю надъ веденіемъ хозяиномъ фабричнаго

производства. Одновременно и въ конституціи и въ особомъ законѣ 9 іюля 1922 г. о благополучіи дѣтей (Jugendwohlfahrtsgesetz) семья ставится подъ покровительство государства и провозглашается право каждаго ребенка на воспитаніе съ цѣлью достиженія тѣлесной, душевной и общественной годности (§ 1 указ. закона).

Я повторяю, допустимъ даже, что это только обнаруженіе намѣреній, которыя въ значительной мѣрѣ не осуществляются. Но все это указываетъ на исканіе новыхъ формъ, на недовольство настоящимъ, а отчасти и на направленіе, въ которомъ ищутъ.

Несомнѣнно одно, не война и можетъ быть отчасти какъ ея послѣдствіе сокращеніе производства, всеобщее обѣдненіе являются причиной переживаемаго культурнымъ человѣчествомъ кризиса, наоборотъ — и это твердо надо помнить — война со всѣми ея безобразными особенностями явилась только внѣшнимъ взрывомъ, изверженіемъ изъ кратера того, что клокочетъ внутри. И правъ поэтому профессоръ Ростокскаго университета Эмиль Утицъ, написавшій обстоятельное обозрѣніе современной культуры, съ горячимъ между прочимъ восхваленіемъ русской литературы, театра, искусства (Emil Utitz, Die Kultur der Gegenwart, 1921), который заявляетъ, что если бы даже нашей культурѣ дѣйствительно грозила бы гибель, а на это прямыхъ указаній нѣтъ, то и тогда надо было бы продолжать изучать культуру, ибо такое изученіе указало бы намъ на ближайшія осуществимыя культурныя задачи и удержало бы насъ отъ шага самообмана и напраснаго отчаянія.

Несомнѣнно кризисъ есть и изучать его надо, но, конечно, объективно и глубоко, т. е. оставивъ предположеніе, что кризисъ возникъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ.

Дальнѣйшія страницы, по самимъ размѣрамъ работы, ставятъ себѣ задачею не столько самое изученіе, сколько скромное поставленіе вѣхъ для изученія.

II

Общія условія развитія обществъ. Причины гибели обществъ въ древности.

Вопросъ о гибели государствъ и о причинѣ такой гибели, къ сожалѣнію, далеко еще не выясненъ, несмотря на все первостепенное значеніе этого вопроса. Виною тому сравнительная молодость или вѣрнѣе недостаточное развитіе науки соціологіи, къ вѣдѣнію которой относится изученіе законовъ развитія и причинъ гибели общественныхъ единеній. Теперь уже не спорятъ о томъ, что исторія при самомъ широкомъ пониманіи ея, какъ научной дисциплины, все же описываетъ индивидуальное, тогда какъ соціологія, пользуясь въ значительной мѣрѣ на ряду съ матеріаломъ біологическимъ, статистическимъ, психологическимъ и матеріаломъ историческимъ, — изучаетъ общіе законы зарожденія, развитія и гибели общественныхъ группировокъ, такъ сказать условія самого соединенія и разъединенія людей, распада группировокъ. Въ порядкѣ такого изученія соціологія значительно приближается къ естественнымъ наукамъ; какъ послѣднія въ области фауны и флоры имѣютъ дѣло съ видами, такъ и соціологія имѣетъ дѣло съ типами обществъ и государствъ. Разли-

чіе въ типахъ складывается благодаря различію въ развитіи и группировкѣ тѣхъ факторовъ, причинъ, которые и обусловливаютъ и объясняютъ общественныя явленія. Общественныя явленія имѣютъ, конечно, свои причины, коренящіяся далеко не въ одной сознательной цѣлесообразной или произвольной дѣятельности отдѣльныхъ индивидовъ. Законы біологическіе съ отборомъ, вліяніями инстинктовъ питанія и размноженія, продолжаютъ дѣйствовать и въ общественныхъ группировкахъ, хотя и въ значительно ограниченомъ и измѣненномъ видѣ. Вліяніе физическихъ условій климата, почвы, развитіе береговой линіи, наличность горъ и т. д. имѣютъ большое вліяніе и на типъ государства и на сложеніе народнаго характера. Вліяніе расы и народнаго характера громадно. Духовное наслѣдство, т. е. степень культурности, сумма религіозныхъ, нравственныхъ и правовыхъ взглядовъ оказываетъ, можетъ быть, самое большое вліяніе на судьбы обществъ. Оно является главнѣйшимъ объединяющимъ началомъ и поскольку это вліяніе сохраняется, поскольку личность воспитывается и выростаетъ въ согласіи съ началами этого духовнаго наслѣдства, единеніе держится. Экономическіе факторы и техническія усовершенствованія играютъ конечно извѣстную роль, но значеніе ихъ скорѣе динамическое, чѣмъ статическое, хотя нѣкоторыя теоріи неосновательно и преувеличиваютъ это значеніе. Случай имѣетъ также большое значеніе какъ и въ естественныхъ наукахъ; такое вліяніе случая отрицается нѣкоторыми естествоиспытателями безъ всякаго основанія. Достаточно открыть какое либо изслѣдованіе въ области геологіи, не говоря

о другихъ естественныхъ наукахъ, чтобы прійти въ изумленіе, какъ часто упоминается о случайномъ совпаденіи, какъ важномъ факторѣ, оказавшемъ вліяніе на послѣдующее развитіе. Случай именно главнымъ образомъ объясняетъ совпаденіе, одновременность наступленія ряда явленій, изъ которыхъ каждое состоитъ въ причинной связи съ другими предшествующими явленіями. Несомнѣнно, что личность со всею ея дѣятельностью, стремленіями и предпріятіями является творческой силой и однимъ изъ могущественныхъ факторовъ общественной жизни. Въ существѣ дѣла вся историческая жизнь обществъ протекаетъ и будетъ протекать (несмотря ни на какія фантастическія коммунистическія теоріи) въ борьбѣ личнаго и коллективнаго начала, оба начала равно нужны для существованія и развитія общества; они и дополняютъ и измѣняютъ другъ друга. Если говорить объ условіяхъ наиболѣе желательныхъ для здоровья государства и его развитія, то они могутъ быть выражены такъ. Здоровый строй долженъ обезпечивать отдѣльной личности наиболѣе свободныя и широкія условія для ея развитія, для самоопредѣленія и творчества. Но съ другой стороны необходимо, чтобы при этомъ не страдали интересы всего общества, коллектива. Надо, чтобы личность сама свободно, благодаря государственно-общественному воспитанію, готова была бы и сознавала бы необходимость ставить интересы цѣлаго выше своихъ личныхъ интересовъ, умѣла бы жертвовать этими личными интересами и стремленіями для пользы и развитія цѣлаго, памятуя, что, когда страдаютъ интересы цѣлаго, то въ конечномъ результатѣ не могутъ не постра-

дать и интересы каждой отдѣльной личности Коллективъ въ лицѣ ли монарха, касты, секты, коммуны не можетъ и не долженъ становиться самоцѣлью, ибо всякое общество образуется для обезпеченія условій развитія всѣхъ отдѣльныхъ личностей вмѣстѣ взятыхъ. Однако же могутъ быть такіе чрезвычайные случаи, когда общество можетъ требовать отъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, но всѣхъ въ равной степени — пожертвовать даже жизнью для спасенія жизни общества. Но не должно быть и въ существѣ дѣла не можетъ быть такихъ обществъ, которыя для своего существованія требовали бы обезличенія отдѣльныхъ гражданъ, превращенія ихъ въ подневольныя орудія какого то земного божества Однимъ словомъ идеаломъ для общества является наибольшее равновѣсіе между интересами личности и коллектива. Не надо забывать, что признакомъ общества, какъ единенія людей, какъ постоянной группировки, въ отличіе отъ различныхъ временныхъ отношеній людей другъ къ другу, является общественная власть. Когда общественная власть падаетъ, гибнетъ и общественный строй. Нѣмецкіе ученые и даже самый выдающійся современный соціологъ Vierkandt, Gesellschaftslehre 1922, увлекаясь Тённисомъ, говорятъ только о второмъ необходимомъ признакѣ — единеніи гражданъ, получается соціальная психологія, а не соціологія.

Общества, какъ и физическіе виды и особи несомнѣнно ведутъ борьбу за существованіе между собою. Эту борьбу выдерживаютъ тѣ общества, въ которыхъ группировка факторовъ благопріятна для поддержки единенія, для

предотвращенія дезассимиляціи массовой, ибо дезассимиляція частичная (преступность, проституція, бродяжество, самоубійства — дезассимиляція нравственная), поражая небольшой сравнительно процентъ гражданъ (не болѣе 2 процентовъ), какъ и извѣстныя болѣзни (сумасшествіе, сифилисъ, чахотка), не могутъ вести къ гибели обществъ, хотя и составляютъ явленія болѣзненныя въ жизни обществъ. Но общественныя особи, помимо внутреннихъ болѣзней и внѣшней борьбы за существованіе еще выдерживаютъ и другой видъ борьбы за существованіе вполнѣ аналогичный борьбѣ за существованіе въ естественной природѣ. Они должны приспособляться къ измѣняющимся внѣшнимъ условіямъ — природы физической, условіямъ и задачамъ, которыя имъ ставятся ихъ собственнымъ расширеніемъ (завоеваніями), культурнымъ развитіемъ сосѣднихъ народовъ. Но эти развитія и приспособленія не безграничны. Строй по крайней мѣрѣ у древнихъ обществъ указываетъ намъ, что въ обществахъ, какъ и въ видахъ и особяхъ развиваются заложенныя въ нихъ начала. Общества не могутъ перестать быть самими собою, стать чѣмъ то совсѣмъ инымъ, а не такимъ, чѣмъ ихъ сдѣлали данныя группировки факторовъ и относительное значеніе и развитіе этихъ факторовъ (вспомнимъ хотя бы сложившійся народный характеръ).

Судьба культуры, создаваемой или развиваемой и дополняемой тѣмъ или инымъ народомъ, по усвоеніи ея, неодинакова съ судьбой создавшаго ее строя. Если дѣйствительно данному народу удалось создать самостоятельную и развитую культуру, то она поддерживаетъ создавшій ее строй, въ

случаѣ паденія строя благодаря наблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, поддерживаетъ народъ въ защитѣ его самостоятельнаго духовнаго бытія отъ побѣдителей и помогаетъ ему возстановить свое самостоятельное государственное бытіе. Культура сколько нибудь самостоятельная никогда не гибнетъ, — въ случаѣ окончательной гибели создавшаго ее строя, она входитъ какъ часть въ общую культуру, является часто въ послѣдней извѣстной ступенью въ развитіи.

Но общества и, какъ особая форма общества государства, несомнѣнно уподобляются живымъ существамъ. Они зарождаются, развиваются и гибнутъ. Мы не знаемъ до сихъ поръ вѣчныхъ государствъ, мы знаемъ, наоборотъ, что всѣ извѣстныя въ исторіи государства рано или поздно погибали и народы, ихъ создавшіе, передъ утратой государственнаго бытія, становились не только не способными дальше развивать ими же самими созданную культуру, но останавливались на уровнѣ уже достигнутомъ и возвращались, какъ римляне, къ натуральному хозяйству.

Таковы общія условія развитія и гибели государствъ. Но болѣе близокъ къ темѣ вопросъ, отчего именно погибали государства. Конечно можно отвѣтить общимъ положеніемъ, которое будетъ совершенно, въ сущности, правильно, что какъ живыя существа, какъ бы ни были разнообразны причины ихъ гибели, гибнутъ отъ прекращенія дѣятельности сердца, такъ и общества гибнутъ отъ прекращенія единенія между сочленами, при чемъ покореніе другимъ государствомъ не исключеніе изъ этого общаго правила, ибо и ему предшествуетъ полное разъединеніе (Польша).

Конечно причины гибели обществъ въ древности разнообразны согласно разнообразію типовъ.

Но все же есть общія причины гибели древнихъ государствъ, особенно ярко выявившіяся въ исторіи Рима.

Среди этихъ причинъ, сошлемся на работы Московскаго профессора Петрушевскаго по средневѣковому строю, Эд. Мейера, Круазе и др. несомнѣнно важна одна главная, очень типичная и обслѣдованіе которой очень важно для оцѣнки положенія, переживаемаго современной культурой. Я имѣю въ виду невозможность для государства-города въ виду именно тѣхъ главныхъ элементовъ, изъ которыхъ этотъ типъ сложился и которыми онъ жилъ, превратиться въ современное крупное государство, при томъ несмотря на то, что Римъ, благодаря завоеваніямъ, сталъ громаднѣйшимъ даже для современныхъ размѣровъ государствомъ. На примѣрѣ Рима, Аѳинъ, Ѳивъ, Венеціи и т. д. мы именно видимъ, что приспособляемости государствъ къ новымъ условіямъ существованія положенъ предѣлъ, они не могутъ совсѣмъ перемѣниться, перестать быть самими собой. Черезъ вѣка могутъ возникнуть Итальянское и Греческое Королевства, но они не продолжатели, а совсѣмъ новыя государства.

И дѣйствительно особенность римскаго государственнаго строя состояла въ высокомъ развитіи личности. Впервые въ исторіи всѣ права политическія и гражданскія этой личности были опредѣлены въ законѣ и ограждались неимѣвшимъ себѣ предшественниковъ прекраснымъ независимымъ судомъ. Эта личность была проникнута

глубокимъ пониманіемъ государственности всего значенія государства для гражданина, того государства, которое ограждаетъ права гражданина, печется объ его интересахъ. Судьбами этого государства гражданинъ дѣйствительно распоряжался самъ въ центуріатскихъ собраніяхъ. Правда, управленіе и выработка законовъ находились въ рукахъ Сената, состоявшаго изъ представителей аристократическихъ родовъ тѣхъ племенъ, которыя основали Римъ, ибо Римъ, какъ доказалъ извѣстный Левисъ Морганъ (Ancient Society) началъ съ родового устройства, съ котораго начинали всѣ государства. Но плебеямъ были сдѣланы уступки и правленіе было народное. Дѣло Римскаго Государства — res publika — было дѣйствительно общимъ дѣломъ для всѣхъ гражданъ и они грудью защищали родину. Все держалось на характерѣ и чувствѣ чести гражданина, на строго государственной постановкѣ всего общественнаго строя, равновѣсіе между личностью и коллективною волею и интересами было достигнуто въ высокой степени, а это главное для государственнаго здоровья. Но, такой рѣдкостно планомѣрно организованный строй, и не для того только времени, не могъ не дать себя чувствовать въ борьбѣ съ другими государствами, которую Риму, конечно, пришлось вести. Сначала была покорена вся Италія, а затѣмъ — и весь тогда извѣстный человѣчеству «кругъ земель». И вотъ тогда оказалось, что весь сложный, разумно обдуманный государственный механизмъ, разсчитанъ на небольшую ограниченную территорію. Уже граждане — когда право гражданства было наконецъ съ трудомъ распространено и на италиковъ, изъ ближ-

нихъ къ Риму деревень не могли участвовать непосредственно въ народномъ собраніи (а представительнаго участія такъ и не было введено); они не успѣвали къ вечеру возвратиться домой. Еще болѣе туго давалось самое право гражданства Римскаго и провинціалы, т. е. $^{9}/_{10}$ всего большого римскаго государства такъ его и не получили. И дѣйствительно трудно было его дать, ибо о непосредственномъ участіи въ законодательствѣ и управленіи провинціаловъ, жившихъ за тысячи верстъ отъ Рима не могло быть и рѣчи. Какъ уже сказано, Римъ не додумался за всю свою исторію до современной представительной системы. Съ другой стороны трудно было давать широкія права, пользованіе которыми въ самомъ Римѣ происходило подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія римскаго, а послѣднее имѣло силу и могло сложиться потому, что всѣ другъ друга болѣе или менѣе знали, ничего не оставалось скрытымъ, умѣли отчетливо разбираться при выборахъ въ оцѣнкѣ достоинствъ кандидатовъ. Что же получилось: совершенный государственный аппаратъ остался для Рима, а большая часть великаго государства представляла собою обыкновенную для того времени сатрапію. Какое воздѣйствіе оказалъ такой порядокъ на этотъ маленькій совершенный аппаратъ. Онъ въ конецъ испортился. Народное собраніе все же мнимо законодательствовало и управляло. Но, что было возможно для маленькой территоріи Рима, то было просто смѣшно и недопустимо для серьезнѣйшихъ и сложнѣйшихъ мѣръ, касавшихся разныхъ частей свѣта, о которыхъ многіе изъ присутствовавшихъ не имѣли вовсе понятія. Участники народныхъ

собраній само собою, жизнью, превратились въ то, что нѣмцы типично называютъ: говорящихъ «да». Къ тому же и составъ народныхъ собраній сталъ рѣзко измѣняться. Не только государство, но и самъ городъ Римъ разростался сильно, въ него попадали различные иноземные элементы, проникавшіе всякими путями въ число гражданъ; разбогатѣвшіе вольноотпущенники тоже незамѣтно стали проникать въ народныя собранія. О патріархальномъ характерѣ народныхъ собраній, при которомъ всѣ болѣе или менѣе другъ друга знали, не могло быть и рѣчи. Мало по малу величественныя собранія народа превратились въ собранія городской черни, которою пользовались какъ слѣпымъ орудіемъ даже видные государственные дѣятели, скорѣе для скандала и бунта. По существу считаться съ такимъ собраніемъ было невозможно, фактически уже въ послѣднее время республики вся власть перешла къ Сенату и отдѣльнымъ честолюбцамъ. Равновѣсіе властей, контроль общественнаго мнѣнія исчезли. Исчезъ вскорѣ и патріотизмъ, та горячая любовь къ родинѣ, которая вела къ историческимъ геройскимъ подвигамъ. По степени развитія массъ можно было любить и защищать то, что было подъ глазами, но любить весь orbis terrarum съ его разнообразными національностями, говорящими на разныхъ языкахъ, смѣшно было и думать. Пришлось прибѣгнуть къ наемнымъ войскамъ.

Изъ совокупности этихъ явленій выросло самое грозное явленіе, личность потеряла свой государственный смыслъ, духъ воспитанія. Общественный контроль былъ ослабленъ. Эгоизмъ и инди-

видуализмъ получили пышное развитіе; главное въ государствѣ — равновѣсіе между интересами личности и коллектива было утеряно. Все остальное пришло само собою; отвратительно хищническое управленіе провинціями; авантюристы и развратники, занимавшіе съ помощью наемныхъ войскъ мѣста императоровъ, полное разложеніе нравовъ, сокращеніе дѣторожденія, безсмысленная восточная роскошь, паденіе религіи, принциповъ, нравственности. Все это далеко до окончательнаго паденія Рима. Сенатъ, безъ контроля, превратился въ олигархическую бюрократическую шайку, не стѣснявшуюся съ оружіемъ въ рукахъ выходить на площадь и убивать противниковъ. Хозяйство было въ Римѣ тоже не далеко отъ натуральнаго, какъ опредѣляютъ Мейеръ, Петрушевскій и другіе, оно можетъ быть сравниваемо съ хозяйствомъ въ половинѣ 15—16 столѣтія въ Европѣ. Но по размѣрамъ производства, по несовершенству техники оно, конечно, не могло давать заработка массамъ. А къ этому присоединился ростъ ничѣмъ не стѣсняемаго своекорыстія владѣльцевъ латифундій, которымъ не возбранялось изгонять и оставлять безъ земли своихъ мелкихъ арендаторовъ, ввозъ дешевыхъ рабовъ. И мало по малу въ Римѣ скопились голодныя и ничѣмъ не занятыя массы.

Римъ типическій примѣръ. Все въ немъ было образцово. Но, именно, на этомъ примѣрѣ видно, что эволюція государственнаго строя есть въ сущности развитіе заложенныхъ началъ, способствовавшихъ образованію и самого даннаго типа. Въ этомъ сила, въ этомъ и слабость. Слабость въ томъ, что гибкость этихъ основныхъ началъ имѣ-

етъ предѣлъ. Жизнь требовала приспособленія къ новымъ условіямъ, созданнымъ дѣятельностью самихъ римлянъ, а это приспособленіе оказалось уже невозможнымъ. Дорасти до современнаго строя государство-городъ не могло.

Исторія Греціи прибавляетъ только еще небольшую поясняющую черточку къ этому примѣру. Въ маленькихъ греческихъ государственныхъ ячейкахъ личность не могла получить настоящаго государственнаго воспитанія; между полнымъ поглощеніемъ личности въ греческихъ деспотіяхъ и разнузданностью аѳинской черни средняго не было найдено. Но не менѣе достойно вниманія, что, какъ города близостью горизонта въ видѣ каменныхъ стѣнъ, вызываютъ усиленное развитіе близорукости, такъ маленькіе размѣры древнихъ государствъ вызывали духовную близорукость. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ гражданъ блестящихъ Аѳинъ Периклъ не могъ подняться даже въ моментъ Полопонесской войны выше аѳинскаго патріотизма и дорасти до патріотизма общегреческаго. А между тѣмъ этотъ греческій народъ говорилъ на одномъ греческомъ языкѣ, обогатилъ міровую культуру не утратившими и до нынѣ значенія произведеніями въ области ораторскаго искусства, драмы, комедій, прозы, стиховъ, живописи, скульптуры, науки и философіи и даже въ области бойкой политической жизни. И этотъ великій народъ — благодаря общественному строю государства-города имѣлъ столь узкій политическій горизонтъ, что не могъ подняться надъ нимъ, объединиться въ большую современную націю и палъ жертвою македонянъ.

Унесемъ изъ этого обзора представленіе о партикуляризмѣ, какъ особо вредномъ явленіи и объ отсутствіи надлежащей приспособляемости, — какъ о главныхъ причинахъ гибели древнихъ государствъ. Мы встрѣтимся съ этими явленіями, хотя и въ совершенно иной формѣ, и въ новѣйшей исторіи.

III

Современный общественный и культурный строй.

Сравнимъ средневѣковой рыцарскій замокъ или зданіе какой нибудь гильдіи купеческой съ современнымъ школьнымъ или больничнымъ зданіемъ и мы поймемъ наглядно отличительныя черты новой культуры. Изъ маленькихъ комнатъ со сводчатыми потолками, рѣшетчатыми окнами изъ слюды, средневѣковыхъ замковъ съ ихъ рвами, равелинами, подъемными мостиками, подвалами, подземными ходами, съ ихъ затѣйливыми непонятными эмблематическими украшеніями, мы попадаемъ въ громадныя зданія съ великолѣпнымъ фундаментомъ, съ громадными комнатами, въ которыя свѣтъ и воздухъ проникаютъ свободно, черезъ широчайшія окна; здѣсь все живетъ, дышетъ свободно и открыто передвигается — двери здѣсь всегда настежъ и нѣтъ лицъ, которымъ доступъ былъ бы воспрещенъ.

Да, современная культура построена на иныхъ болѣе широкихъ и прочныхъ началахъ. Въ основу этой культуры, среди представителей которой теперь столько атеистовъ, положено несомнѣнно Христово ученіе. Это оно вызвало къ жизни понятіе личности человѣческой, какъ таковой, не-

зависимо отъ народности (нѣсть ни іудей, ни эллинъ), экономическаго, сословнаго, соціальнаго положенія и пола. Личность современная обладаетъ громадными гораздо болѣе широкими, чѣмъ римляне правами. Современный строй не знаетъ ни рабства (въ Греціи оно давало до 50 процентовъ населенія), ни крѣпостничества, ни какихъ либо ограниченій къ свободному передвиженію всѣхъ и каждаго съ самой низшей до самой высшей соціальной ступени. Гражданъ и не гражданъ нѣтъ. Все это конечно великолѣпный предохранительный клапанъ противъ всякихъ взрывовъ личныхъ самолюбій и даже самолюбій классовъ. Равенство полное, огражденіе правъ личности такое, о которомъ и не мечтали древніе, свобода духа и религій тоже полная. Образовались громадныя національности, поэтому понятенъ массовый національный патріотизмъ лицъ, хотя и разселенныхъ на пространствѣ большемъ, чѣмъ римскій orbis terrarum. Но даже болѣе, для совмѣстнаго сожительства представителей различныхъ національностей въ одномъ государствѣ установлены такія совершенныя, уравнивающія рамки, что существуетъ, какъ, напримѣръ, — въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ государственный патріотизмъ не менѣе широкій и горячій, чѣмъ національный.

Система выборнаго представительства и дѣйствительнаго народнаго самоуправленія проникаетъ весь общественный строй и выражается въ различныхъ формахъ организаціи на мѣстахъ и въ центрѣ (самоуправленіе, парламентъ).

Полная свобода организованныхъ единеній — громадное движеніе союзное. Частные союзы, —

свободные, не поглощающіе личности, какъ средне-вѣковые, помогаютъ отдѣльной личности достигать всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ преслѣдовать человѣкъ, начиная съ религіозныхъ, научныхъ, въ области искусства, спорта, удовольствія, экономическихъ — производственныхъ, торговыхъ, взаимопомощи и т. д. Благодаря представительному и союзному строямъ полная возможность точнаго отграниченія воли народа въ законныхъ группировкахъ населенія, отъ вожделѣній случайной толпы, собранія зѣвакъ, — что конечно опять таки очень важный клапанъ.

Невиданно широко поставленное производство во всѣхъ отрасляхъ дающее занятіе массамъ народнымъ, всему народу и предоставившее въ ихъ руки такіе предметы, о которыхъ массы прежде и мечтать не могли; несомнѣнно громадный техническій прогрессъ.

Частота, быстрота и полная свобода сношеній людей между собою способствуютъ распространенію идей и объединенію на таковыхъ массъ. Сильно развитое чувство солидарности, какъ сознаніе зависимости людей другъ отъ друга, возможность дополненія другъ друга, возможность раздѣленія труда, спеціализаціи и сотрудничества.

Богатѣйшее духовное наслѣдство, въ которое включены всѣ завоеванія прежнихъ культуръ и огромныя заимствованія отъ современныхъ, такъ что погибнуть современная культура отъ національной исключительности и узости не можетъ. Благодаря демократичности строя широкое распространеніе культуры въ массахъ, вызывающее сглаженіе различій во взглядахъ отдѣльныхъ слоевъ населенія.

Высокое воспитаніе личности въ духѣ государственности, въ условіяхъ всего строя строгой охраны права. Высоко развитое чувство чести и пониманіе значенія всѣхъ культурныхъ и правовыхъ благъ: свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, собраній, печати, вѣры, такъ что всѣ эти блага обратились въ насущный хлѣбъ, отъ котораго ни при какихъ условіяхъ и ни изъ за какихъ обѣщаній въ будущемъ, хотя бы земного рая, отказаться нельзя.

Всѣ эти черты современнаго строя обезпечиваютъ за нимъ громадную приспособляемость, гибкость, жизненность, возможность самыхъ крупныхъ измѣненій безъ нарушенія широихъ основныхъ началъ.

Вотъ сжатое перечисленіе всѣхъ громадныхъ преимуществъ современнаго строя предъ всѣми предыдущими, какъ будто бы обезпечивающихъ прочное и безоблачное существованіе этому строю.

И однако же тучи собираются въ разныхъ мѣстахъ современнаго небосклона и грозятъ превратиться въ ураганъ, готовый смести всю культуру. Надо разобраться.

IV

Основныя начала современной культуры.

Основныя начала современной культуры внѣ всякаго сомнѣнія взяты ею изъ ученія Христова. Это главнымъ образомъ идея человѣческой личности, какъ таковой, и идея равенства. Несомнѣнно, что и идея человѣколюбія, гуманности, солидарности тоже чисто христіанскаго происхожденія. Казалось-бы не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наша культура столь рѣзко расходящаяся съ древней и въ основахъ и въ частностяхъ главнымъ своимъ содержаніемъ обязана Христову ученію. Сенкевичъ въ своемъ безсмертномъ произведеніи «Quo vadis?» такъ ярко изобразилъ это переходное состояніе отъ одной культуры къ другой въ связи съ распространеніемъ христіанства. Несмотря на всѣ неистовства мнимо-ученыхъ матеріалистическихъ ученій — эта истина глубоко вкоренилась въ умы современныхъ людей.

Вспоминается одинъ изъ литературныхъ вечеровъ у покойнаго К. К. Арсеньева. Поэтъ Минскій сдѣлалъ въ тотъ вечеръ докладъ о существѣ христіанскаго ученія. По его мнѣнію, исповѣданіе этого ученія должно выражаться въ одномъ созерцаніи Божества. Христово ученіе, по мнѣнію Минскаго,

никакой роли въ развитіи нашей культуры не играло. Оно не можетъ служить основаніемъ ни для нравственности, ни для какой либо практической дѣятельности, напримѣръ, благотворительности. Считая положенія доклада явно противорѣчащими всѣмъ даннымъ исторіи, я разсказалъ собранію, какъ еще будучи студентомъ перваго курса, я читалъ рефератъ по римскому праву, въ которомъ послѣдовательно отмѣтилъ всѣ тѣ громадныя измѣненія, которыя произошли въ римскомъ правѣ подъ вліяніемъ христіанства со временъ юриста Гая (2 в. по Р. Х.) до Юстиніана. Такъ какъ собраніе всецѣло стало на мою сторону, то Минскій обидѣлся и ушелъ въ другую комнату, а Мережковскій съ чрезвычайной раздражительностью сталъ мнѣ доказывать, что мои взгляды уничтожаютъ Бога, на что я ему могъ отвѣтить: «а вы его уже уничтожили». Говорившій вслѣдъ за мной В. Д. Набоковъ придерживался тѣхъ же взглядовъ, что и я.

Тѣ историки культуры какъ Дрэперъ и др., которые отрицаютъ благотворное вліяніе христіанства на современную культуру ссылаются главнымъ образомъ на исторію христіанской церкви, на то, что она допускала рабство и другія несовершенства въ общественномъ строѣ, что она преклонялась передъ властью земной и осѣняла ее своимъ благословеніемъ, что, наконецъ, она сама предавалась звѣрствамъ въ видѣ инквизиціи.

Но развѣ это сколько нибудь подрываетъ ученіе Христово во всей его высотѣ и чистотѣ? Это свидѣтельствуетъ только о томъ, что и церковь, какъ и общество, медленно усваивали истинныя начала Христова ученія, медленно перевоспи-

тывались подъ его вліяніемъ. Но если мы не можемъ отрицать, что нравственныя воззрѣнія человѣчества очистились и поднялись на невѣроятную высоту по сравненію съ взглядами римлянъ и грековъ (если мы будемъ имѣть въ виду именно народныя воззрѣнія, а не ученія отдѣльныхъ философовъ), религія которыхъ не имѣла ничего общаго съ нравственностью, что эти современные взгляды на высоту, утонченность, теплоту и широту нравственныхъ требованій идеаловъ всецѣло повторяютъ ученіе евангельское, возвѣщенное почти 2000 лѣтъ тому назадъ, то мы поймемъ, что вся исторія европейской культуры, всѣ основныя ея черты, выражающіяся въ вознесеніи духа надъ плотью, въ постепенномъ увеличеніи требованій къ личности, въ любви къ ближнему и гуманности въ существѣ дѣла есть постепенное, возможное въ предѣлахъ земныхъ условій воплощеніе идеаловъ христіанскаго ученія.

Приведенный выше Куртъ Брейзигъ (II т. стр. 589 и сл.) говоря о соціальномъ значеніи христіанства отмѣчаетъ коренное различіе между религіями. Въ однѣхъ Богъ всемогущъ, великъ, но не вмѣшивается въ отношенія людей между собой или по крайней мѣрѣ не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности, которая можетъ быть постепенно создана общественнымъ самосознаніемъ. Наоборотъ, ученіе Христово прежде всего направлено именно на отношенія людей между собой, на общественную нравственность. Между тѣмъ отдѣлить нравственныя отношенія людей отъ соціальныхъ совершенно немыслимо. Только точки отправленія разныя: нравственность исходитъ изъ личности, соціальныя требованія изъ общества,

но оба стремятся установить тѣ же соотношенія между людьми. Далѣе, ни одна религія не возвышаетъ такъ личности, какъ ученіе Христа, оно призываетъ его прямо къ общенію съ Богомъ, оно говоритъ, что спасеніе человѣческой души важно для Бога, оно призываетъ человѣка всѣмъ презрѣть и сосредоточиться только на спасеніи своей души. Но, если это ученіе было спасеніемъ для индивидуума, то личность, какъ таковую оно повергало въ прахъ, какъ повергаетъ личность только восточный деспотизмъ. Передъ Богомъ человѣкъ ничто, весь смыслъ его существованія въ служеніи Богу и ближнему. Если это ученіе относилось съ нескрываемымъ презрѣніемъ ко всякой внѣшней регламентаціи и къ государству въ томъ числѣ, то тѣмъ не менѣе, если не забывать различій метафизическихъ, а отчасти нравственныхъ, оно чрезвычайно родственно даже самому радикальному соціализму.

Брейзигъ, конечно, правъ; христіанство настолько проникаетъ во всѣ стороны нашей жизни, въ наши взгляды на семью, дѣтей, на отношеніе къ другимъ людямъ, въ наши идеалы и личные и общественные, и даже международные, вспомнимъ хотя бы идею всеобщаго мира, что мы просто сами не сознаемъ, въ какой мѣрѣ все наше міровоззрѣніе, въ какой мѣрѣ весь строй вокругъ насъ сложился подъ вліяніемъ христіанства.

Да оно и понятно, если признать установленнымъ, что идеи личности и равенства внесены намъ христіанствомъ. Вѣдь эти двѣ идеи и составляютъ двигательные нервы, даже больше, творящія силы, вокругъ которыхъ вертятся, какъ въ

космической системѣ и наша частная и наша общественная жизнь.

Всѣ тѣ выгодныя особенности нашей новой культуры передъ прежними, которыя перечислены выше, обязаны своимъ происхожденіемъ именно христіанскимъ понятіямъ личности, равенства и любви къ ближнему. Но бѣда именно и состоитъ въ томъ, что, если наше міровоззрѣніе и весь общественный строй и сложились подъ вліяніемъ этихъ двухъ идей христіанства, то за послѣднее въ особенности столѣтіе съ небольшимъ происходитъ все большая дезассимиляція между «принятымъ», традиціонно установленнымъ въ обществѣ міровоззрѣніемъ и дѣйствительнымъ міровоззрѣніемъ людей.

Кризисъ нашей культуры въ значительной мѣрѣ, даже главнымъ образомъ оттого и происходитъ, что дальнѣйшее въ значительной степени безсознательное подъ вліяніемъ измѣненій внѣшнихъ условій жизни развитіе міровоззрѣнія привело къ совершенному искаженію пониманія первооснoвъ нашей современной культуры. А такое искаженіе пониманія повело и къ крайне вреднымъ теченіямъ и даже измѣненіямъ и въ частной и общественной жизни. Такими новыми губительными принципами являются принципы индивидуализма и коммунизма, которые въ сущности имѣютъ одинъ корень.

V

Индивидуализмъ и субъективизмъ.

Индивидуализмъ и его непомѣрный ростъ — одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ современнаго строя. Индивидуализмъ и субъективизмъ выросли уже не на почвѣ христіанскаго ученія. Послѣднее создало и ввело въ кругозоръ человѣческаго мышленія идею человѣческой личности живой, такой какъ она существуетъ въ жизни, поставивъ ее въ соприкосновеніе съ Творцомъ и его велѣніями.

Но затѣмъ эта идея была обработана раціоналистами, по методу дедукціи и отвлеченія отъ всѣхъ реальныхъ чертъ для того, чтобы положить эту идею въ такомъ обобщенномъ видѣ въ основу ряда ученій объ обществѣ (ср. Тэнъ. Происх. совр. Франціи т. I., Классич. мышленіе).

Примѣненіе дедуктивнаго метода къ разслѣдованію общественныхъ дѣлъ конечно никуда не годится и привело къ очень вреднымъ послѣдствіямъ. Этотъ методъ требуетъ отвлеченія отъ всего богатаго разнообразія жизни, требуетъ или восхваленія или порицанія. На такомъ пути вознесенія на небеса съ забвеніемъ о землѣ былъ созданъ и культъ личности, чуть ли неземное обожествле-

ніе ея. А между тѣмъ таже жизнь учитъ насъ, что почти каждое явленіе въ этомъ положительномъ мірѣ, гдѣ ничего безукоризненно хорошаго нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ почти всегда и полезныя и вредныя послѣдствія. Такъ по мысли Э. Дюркгейма въ его извѣстномъ трудѣ о раздѣленіи соціальнаго труда, вся наша цивилизація зародилась и развилась благодаря стеченію населенія въ города. А въ то же время насколько твердо статистическими данными установлено нынѣ, что именно городской строй и городскія условія существованія являются источникомъ большинства современныхъ бѣдъ физическихъ: чахотки, сифилиса, дегенераціи, сумасшествія и моральныхъ: преступности, безпризорности и заброшенности взрослыхъ и малолѣтнихъ, самоубійствъ, проституціи и т. д.

Точно также и индивидуализмъ далъ двоякія послѣдствія.

Съ одной стороны освобожденіе личности отъ всякихъ средневѣковыхъ путъ, отъ всѣхъ прежнихъ ограниченій, обезпеченіе ей возможности всесторонняго проявленія своихъ силъ внесло въ культурный міръ новую самую громадную творческую силу, конечно превыше пара, электричества и всѣхъ современныхъ изобрѣтеній. Именно весь техническій прогрессъ, вся наука и ея величайшія изобрѣтенія, изящная литература, искусство, наконецъ колоссальный безпримѣрный ростъ производства и произведеній, служащихъ къ увеличенію благосостоянія людей — все это обязано своимъ существованіемъ творчеству и энергіи, освобожденной къ началу XIX столѣтія личности. Не-

сомнѣнно благодѣянія громадныя, культура какъ бы заново была отстроена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Но, какъ извѣстно, мыслители, которые проповѣдывали въ 18 в. полное освобожденіе личности, имѣли въ виду не одну творческую дѣятельность личности, имъ представлялась личность чѣмъ то во всѣхъ случаяхъ одинаковымъ и они забывали все разнообразіе людей между собою по качествамъ физическимъ, а въ особенности умственнымъ. Это непростительное забвеніе привело (см. дальше) въ ученіи о равенствѣ къ не менѣе вреднымъ послѣдствіямъ. Здѣсь же на личность, точнѣе на всѣ личности безъ изъятія и въ равной мѣрѣ, возложили самыя невѣроятныя надежды. Христіанство дѣйствительно вывело личность изъ того угнетеннаго порабощеннаго состоянія — въ которомъ ее держали прежнія религіи. Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію. Ему не говорятъ о фатализмѣ, о греческой ананкѣ, ему дана свобода выбора между зломъ и добромъ. И если онъ выберетъ добро, займется самоусовершенствованіемъ, познаетъ Бога, проникнется его велѣніями, проявитъ свое очищеніе въ дѣятельной любви къ ближнему, ему обѣщается небесная награда. Впервые въ исторіи создано высокое въ нравственномъ отношеніи понятіе о личности, о томъ, чѣмъ она можетъ быть, если захочетъ. Но во всякомъ случаѣ все христіанское ученіе призываетъ эту вызванную къ жизни личность къ воплощенію извѣстныхъ безспорныхъ и обязательныхъ для всѣхъ истинъ, къ подвигамъ нравственнымъ, къ усовершенствованію, а не къ довольству тѣмъ, что она изъ себя представляетъ.

Къ сожалѣнію, свѣтское ученіе о личности взяло за исходный пунктъ именно послѣднее — то, что личность изъ себя представляетъ, находя и это состояніе идеальнымъ. Человѣческому уму, стремившемуся освободить личность отъ средневѣковыхъ путъ, создавшему новое ученіе о правахъ личности, потребовалось, какъ уже выше указано, исходить изъ личности, какъ таковой, безотносительно ко всему разнообразію дѣйствительной жизни. Вопреки и даже прямо противоположно христіанскому ученію оно стало идеализировать личность, вмѣсто приниженія и смиренія возносить ее, предполагать въ ней, то есть во всякой личности, наличность такихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ и притомъ такое гармоническое сочетаніе этихъ силъ, какое встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ и только на протяженіи вѣковъ. Это было прямое обоготвореніе личности: она все можетъ, она все дѣлаетъ хорошо, ей не надо ни помощи, ни указаній. Дайте ей только возможность свободно проявить все заложенное въ ней. Дальше, останавливаясь на равенствѣ, мы увидимъ, въ какой мѣрѣ личность сама отъ этого пострадала, здѣсь въ основномъ ученіи объ индивидуализмѣ намъ выяснится, въ какой мѣрѣ пострадало отъ этого обоготворенія личности общество. Вѣдь, личность - человѣкъ сталъ объединяться въ общества (не въ формѣ договора Руссо), сознавая и всю слабость и все неравенство своихъ силъ. Объединяясь въ общества, люди создали коллективный умъ, коллективный духъ, который, возвышаясь надъ личными слабостями и страстями, вожделѣніями, очищенный отъ нихъ, только и могъ въ своей высотѣ

создавать то, что полезно для всѣхъ людей, что полезно скорѣе для цѣлаго вида, не для отдѣльныхъ его представителей, то среднее меньшее, что можетъ быть достигнуто для всѣхъ. Это достиженіе конечно меньше того, къ чему можетъ стремиться, о чемъ можетъ мечтать, но только мечтать, отдѣльный человѣкъ, руководимый своими инстинктами, своими вожделѣніями, коренящимися въ его физической природѣ и инстинктахъ питанія и размноженія. Общество взяло на себя исполненіе той задачи, которую въ отношеніи другихъ существъ выполняетъ мать-природа съ безграничною безпощадностью. Оно мягко и ласково, съ общаго согласія создало правила религіи, нравственности, права и обычая, внушило и вкоренило ихъ въ умы и сердца людей, такъ что казалось, что человѣкъ, слѣдуя имъ, слѣдуетъ только собственнымъ желаніямъ. Оно облагородило, возвысило людей этимъ путемъ надъ животными, пріучило ихъ жертвовать большимъ, но не достижимымъ въ пользу средняго меньшаго, но возможнаго. Пріучило людей сознавать всю слабость своихъ силъ и въ томъ числѣ и своего ума. Создало имъ богатую умственную сокровищницу, пользованіе которой открыто для всѣхъ и во всякое врѐмя. И какъ показываютъ всестороннія изслѣдованія самые величайшіе мыслители могли проявлять свои способности, только использовавъ до дна эту сокровищницу (данныя науки, искусства и т. д. ко времени вступленія въ дѣятельность) и въ благодарность приносили въ эту сокровищницу нѣсколько капель, нѣсколько мыслей въ продолженіе и развитіе уже собраннаго въ сокровищницѣ. Въ поясненіе такихъ соображеній примѣръ

можетъ быть выраженъ такъ: былъ ли бы извѣстный мыслитель, художникъ и т. д. тѣмъ, что изъ себя представляетъ, если бы родился не среди своего народа, а среди папуасовъ? — ясно что онъ былъ-бы папуасомъ, который бы предложилъ своимъ сородичамъ нѣсколько иначе, чѣмъ они дѣлали до того, продѣвать серьгу черезъ ноздрю.

И вотъ, этотъ многовѣковой процессъ приученія личности со всѣми ея слабостями и недостатками къ стоящему надъ ней строю былъ не только прерванъ движеніемъ въ пользу освобожденія личности отъ средневѣковыхъ путъ, но благодаря непродуманнымъ увлеченіямъ философовъ и политиковъ весь процессъ пошелъ назадъ. Личность возвеличивали лучшіе мыслители, чего можно было ждать* отъ самой личности при такихъ условіяхъ—она преисполнилась самомнѣніемъ. Она забыла о своей слабости, о своей зависимости во всемъ отъ помощи другихъ людей и общества. Она стала находить, что она сама лучше всѣхъ знаетъ, что хорошо и что дурно, ей не надо никакихъ указаній. Мало ли что накоплено въ богатую народную сокровищницу тысячами самыхъ выдающихся умовъ въ теченіе вѣковъ. Во имя новаго высокаго достоинства личности, она сама себѣ, не говоря уже о другихъ, не должна позволять стѣсняться какими нибудь авторитетами, а тѣмъ болѣе признавать, что либо безспорнымъ, несомнѣнно установленнымъ. Вѣрно только то, что она сама признаетъ заслуживающимъ довѣрія, все остальное смѣло и просто слѣдуетъ выкинуть. Что могло получиться изъ такихъ разсужденій и для самой личности и для общества? Ничего общепризнаннаго болѣе не существовало, но именно

всѣми признаваемое за истину и объединяло людей и составляло общественный цементъ. Религія потеряла значительную часть сыновъ своихъ и что не менѣе важно ничѣмъ замѣнена не была. Вмѣстѣ съ религіей потеряли силу и требованія нравственности. И оно понятно, ибо, если еще выдающіеся мыслители могутъ составить для себя правила поведенія, достаточно высокія и держаться ихъ, хотя они не освящены религіей, то заурядныя личности — а ихъ въ каждомъ народѣ, конечно, большинство, этого сдѣлать не могутъ и не захотятъ. Но вотъ въ томъ то только и бѣда, что залетѣвшіе въ облака мыслители совсѣмъ забыли о маленькомъ обстоятельствѣ, о томъ, что не всѣ личности одинаково одарены и одинаково нравственно воспитаны. Большинство людей менѣе воспитанныхъ нравственно использовало крушеніе безспорныхъ тысячелѣтнихъ и простыхъ истинъ по своему. Оно просто освободило себя отъ всякихъ стѣсненій и не только дало полную волю своимъ желаніямъ и инстинктивнымъ стремленіямъ, но стало открыто признавать только ихъ дѣйствительно законными. Подавляющее большинство современнаго человѣчества видитъ идеалъ только въ богатствѣ, а для достиженія этого всѣ безъ исключенія средства хороши, надо быть достаточно искуснымъ и осторожнымъ, чтобы не попасть въ руки правосудія, хотя и очень часто придется вплотную подходить къ границѣ запрещеннаго подъ страхомъ наказанія. Достаточно вспомнить современныя стремленія къ недобросовѣстной конкуренціи, которая захватываетъ не одни торговые и промышленные классы, ею заражены къ сожа-

лѣнію и всѣ отрасли умственнаго труда. Современный человѣкъ пересталъ разбираться въ средствахъ и мы поймемъ поэтому, что война велась безъ всякаго разбора средствъ, съ полнымъ забвеніемъ достоинства великихъ націй, но это были не новыя явленія, а лишь проявленія общихъ привычекъ и пріемовъ на новомъ пути.

Много способствовало развитію этого въ высшей степени вредоноснаго явленія, коренящагося въ индивидуализмѣ и новое научно философское теченіе матеріализма столь же непродуманное и легкомысленное, какъ и теченіе по обоготворенію личности.

Личность, благодаря индивидуализму считала для себя возможнымъ, говоря грубо, распоясаться. Но, конечно, ей было важно найти какое нибудь научное оправданіе своему образу дѣйствій и она нашла его въ матеріализмѣ и только поэтому это грубо-однобокое ученіе получило такое быстрое и широкое распространеніе. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ самое боевое сочиненіе въ области матерьялизма, не утратившее всей своей страстности и за истекшіе 60 лѣтъ со времени его появленія въ свѣтъ. Я имѣю въ виду выдержавшее въ свое время десятки изданій сочиненіе Бюхнера «Сила и матерія» (Русскій переводъ 1907 г.). Въ этомъ сочиненіи чувствуются два побудительныхъ стремленія, которыя и заставляютъ автора въ своихъ разсужденіяхъ перескакивать черезъ широчайшія логическія пропасти: 1. увлеченіе и самомнѣніе человѣческаго разума, который ничего не знаетъ превыше себя и 2. чисто политически партійная ненависть къ церкви, переносимая съ нее на религію христіанскую, которая вовсе не

повинна во всѣхъ скверныхъ дѣяніяхъ церкви, совершенныхъ въ явное отступленіе отъ началъ христіанской религіи, какъ, напримѣръ, инквизиціи и обоготвореніи представителей земной власти. Основными положеніями въ книгѣ Бюхнера являются мысли: 1. о томъ, что въ мірѣ существуетъ только матерія и никакого духа, никакого Бога, какъ создателя 2. увѣренность въ томъ, что человѣческій разумъ все понимаетъ, ему все доступно, то что ему недоступно, то что не можетъ быть доказано научно и объяснено причинно и не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ положеніи Бюхнеръ доходитъ прямо до ребячески легкомысленныхъ утвержденій, что человѣческому уму совершенно понятно отсутствіе начала и конца въ пространствѣ и времени. Вѣдь вотъ до чего можетъ довести фанатизмъ; интересно, сколько десятковъ фанатиковъ на всемъ земномъ шарѣ стали бы утверждать тоже самое вмѣстѣ съ Бюхнеромъ. Дѣйствительно пропасть непроходимая, ударъ самомнѣнію человѣческаго разума смертельный. Вѣдь никто изъ самыхъ великихъ ученыхъ міра не въ состояніи мыслить внѣ начала и конца; на вопросъ—а что же имѣется за концомъ вселенной никто отвѣтить не можетъ. Другой болѣе объективный изслѣдователь, а не популяризаторъ только какъ Бюхнеръ, матеріализма, Ланге, въ своей исторіи матерьялизма, при всемъ своемъ поклоненіи передъ матерьялизмомъ, какъ научной доктриной, объясняющей закономѣрность явленій общественной жизни, относится къ матерьялизму не такъ восторженно. Онъ говоритъ (т. I, стр. 229, 232 и слѣд. пер. подъ редакціей Соловьева): «Матерьялизмъ

побѣдоносно защищая закономѣрность совершающагося, слишкомъ легко увязаетъ въ этомъ кругу представленій, съ односторонностью, которая очень вредитъ оцѣнкѣ духовной жизни, поскольку именно въ ней играютъ законную роль чисто человѣческія представленія. Эти представленія о разумности природы, порядкѣ и нарушеніи его и т. д., которыя совершенно не соотвѣтствуютъ вещамъ самимъ по себѣ, въ обширныхъ областяхъ жизни не только должны быть терпимы, какъ удобныя и невинныя привычки дѣтства, но они не смотря на свое происхожденіе изъ человѣческаго духа или можетъ быть вслѣдствіе этого ихъ происхожденія, принадлежатъ къ благороднѣйшимъ благамъ человѣка и доставляютъ ему счастіе, которое въ такомъ видѣ ни чѣмъ другимъ замѣнено быть не можетъ. Если порядокъ въ природѣ не существуетъ, то противоположность прекраснаго и безобразнаго покоится только на человѣческомъ представленіи. Чтобы избѣжать этой ошибки мы должны прежде всего сами этическія и эстетическія идеи понимать какъ необходимыя, возникшія по вѣчнымъ законамъ образованія всеобщей силой природы въ особой области человѣческаго духа». Въ другомъ мѣстѣ Ланге, касаясь монотеизма (томъ I стр. 93), замѣчаетъ: «Но если, однако, въ свободной и величественной формѣ приписывать единому Богу во всей полнотѣ и широтѣ также и единое дѣйствіе, тогда связь между вещами въ формѣ причины и дѣйствія не только мыслима, но является даже необходимой.» И въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что знакомство съ законами, управляющими внѣшней природой, знакомство далеко еще не совершенное, убѣждаетъ насъ въ

величественности всего плана и въ неумолимо последовательномъ проведенiи и примѣненiи этого плана и законовъ природы, можно прiйти только къ заключенiю о Божественной Премудрости того, кто создалъ мiръ. Но можетъ быть тогда для самодѣятельности христiанина ничего не остается. Мысли Ланге объ этическихъ и эстетическихъ идеяхъ составляютъ надлежащiй отвѣтъ. Мiромъ чисто матерьяльнымъ далеко не исчерпывается еще все существующее реально на свѣтѣ. Но нѣтъ-ли грубѣйшаго преувеличенiя въ этомъ распространенiи закона причинности на всю жизнь физической природы, какъ будто-бы и дѣйствительно она представляла собою машину, дѣйствующую съ точностью механизма? Несомнѣнно это простой шаржъ, разсчитанный на легкомысленность слушателей. Да, въ природѣ есть неизмѣнные общiе законы рожденiя, роста, умиранiя, замерзанiя, кипѣнiя, тяготѣнiя, дѣйствiя тѣхъ или иныхъ силъ. Но все индивидуальное, все что составляетъ не болѣе какъ *совпаденiе* нѣсколькихъ цѣпей причинно объясняемыхъ явленiй — есть дѣло случая. Да, я могу умереть только по законамъ природы, но умру-ли я при гибели корабля, или меня кто либо вытащитъ изъ воды, или, будучи болѣзненнымъ человѣкомъ, я по случайному стеченiю обстоятельствъ попаду въ хорошiй климатъ и на хорошее питанiе и благодаря этому, совершенно по законамъ природы, проживу до ста лѣтъ — все это дѣло случая и отчасти личной самодѣятельности. Поэтому глубоко неправъ нашъ великiй писатель Тургеневъ, когда онъ говоритъ, что молясь Богу мы просимъ Его: «Дай намъ Боже то, что невозможно!» И

если бы человѣкъ не руководился бы именно вѣрой въ возможность разнообразнаго сочетанія жизненныхъ обстоятельствъ, то онъ бы не покорилъ-бы и не приспособилъ бы себѣ природы, нисколько не нарушая законовъ послѣдней, и не создалъ бы всего того красиваго, нравственнаго, художественнаго и научнаго, всей той культуры, жалкимъ отпрыскомъ которой явился популяризаторъ Бюхнеръ — этотъ бывшій ядъ недозрѣлыхъ умовъ. Но и совершенствуя природу, человѣку надо помнить все величіе законовъ Божіихъ, всю ограниченность пониманія имъ этихъ законовъ и слѣдовать не взглядамъ жалкаго популяризатора, а взглядамъ тѣхъ великихъ ученыхъ, мысли которыхъ онъ распространялъ. Какъ извѣстно Дарвинъ, Уоллесъ и Гёксли остались христіанами. Но вліяніе Бюхнера и другихъ (Геккель, Штраусъ, Ренанъ) было громадное, цѣна на этотъ плохой и явно подмоченный товаръ была велика, главнымъ образомъ потому, что спросъ былъ великъ. Освобожденной и опустившейся личности нуженъ былъ авторитетный пьедесталъ для своихъ вожделѣній и она его нашла. Ученіе матерьялистовъ провозглашало, что выше человѣческаго разума и при томъ разума индивидуальнаго, т. е. всякого человѣка, именно этихъ мозговъ, столь напоминающихъ по виду, къ сожалѣнію, конечно, для гордаго человѣка, телячьи мозги — ничего на свѣтѣ нѣтъ, ни духа, ни Бога, какъ Создателя міра, предназначившаго для человѣка нѣсколько болѣе высокія задачи, а вмѣстѣ и обязанности, чѣмъ для теленка. И массы, или какъ это называется со времени статистика-соціолога Кетле «средній человѣкъ» мало-по-малу, а потомъ

и открыто начали ставить себѣ цѣли не выше телячьихъ. Такимъ образомъ было до чрезвычайности поднято вреднѣйшее, ибо ни на чемъ не основанное, самомнѣніе человѣка, а съ другой стороны онъ былъ освобожденъ отъ обязанности стремиться къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ и задачамъ и выполнять въ мірѣ тѣ высокія обязанности, которыя установило для человѣка христіанство. Но если, какъ подробно указывалось выше, вся наша новая цивилизація обязана своимъ превосходствомъ передъ прежними цивилизаціями христіанству и именно возвышенной и широкой постановкѣ христіанствомъ понятія о личности, то станетъ понятно, что индивидуализмомъ вмѣстѣ съ матерьялизмомъ былъ подорванъ основной устой нашей современной культуры. Послѣдствія громадны. Мы уже видѣли выше въ какой мѣрѣ личность «средняя» поняла свое возвеличиваніе и свое освобожденіе упрощеннымъ образомъ. Теперь это становится еще понятнѣе—сами то личныя желанія, какъ бы они низки и какъ-бы безбрежны не были, и составляютъ единственную законную цѣль всей дѣятельности человѣка. Для достиженія этихъ цѣлей, конечно, всѣ средства хороши, выборъ не нуженъ, да и нѣтъ тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать выборъ. Матерьялизмъ взамѣнъ разрушеннаго ничего новаго не выставилъ. Неудивительно поэтому, что уже 40 лѣтъ тому назадъ Адольфъ Вагнеръ, извѣстный Берлинскій экономистъ, а за нимъ и многіе другіе признали, что въ современномъ обществѣ побѣждаютъ не лучшіе нравственно, не наиболѣе одаренные, а наиболѣе недобросовѣстные.

Игра свободныхъ силъ, о которой такъ мечталъ Адамъ Смитъ дала своеобразные результаты. Еще Аристотель признавалъ человѣка животнымъ общественнымъ. Едва ли могутъ быть сомнѣнія, что благодаря матерьялистически-атеистическому перевороту человѣкъ въ чрезвычайной степени утратилъ свои общественныя наклонности. Именно христіанство, проповѣдывая малоцѣнность земныхъ, животныхъ благъ, а главное служеніе и жертвы на благо «брату», т. е. всякому другому человѣку, положило основу всего современнаго соціальнаго воспитанія. Но и эта основа была теперь подорвана. Эгоизмъ и центробѣжныя силы получили полный просторъ. Не общество, не коллективъ, не видъ, говоря біологически, является центромъ всякой дѣятельности человѣка, а онъ самъ. Ясно какое разлагающее вліяніе на весь общественный строй должна была оказать эта новая постановка. Однимъ изъ безспорныхъ и всѣми многообразными теченіями научными въ молодой наукѣ соціологіи признаваемымъ положеніемъ является положеніе объ условіяхъ наиболѣе совершеннаго и наиболѣе устойчиваго общественнаго строя. Тотъ общественный строй представляется наиболѣе совершеннымъ, наиболѣе отвѣчающимъ кореннымъ задачамъ и наиболѣе устойчивымъ, при которомъ съ одной стороны личность получаетъ наиболѣе полную возможность развитія своихъ творческихъ силъ, а съ другой стороны достигается наиболѣе тѣсное единеніе личности, наибольшая преданность и служеніе ея общему дѣлу. Это та высшая степень равновѣсія въ вѣчной и неизбѣжной, пока живутъ общество и люди, борьбѣ силъ

и притяженій личныхъ и коллективныхъ, которая и является цѣлью всѣхъ общественныхъ усовершенствованій. Христіанство въ своемъ ученіи, для своихъ цѣлей, не поглощая личности и ея самодѣятельности, а наоборотъ вызывая таковую, въ то же время достигало въ высшей мѣрѣ и второй цѣли—служенія брату, т. е. человѣчеству. И вотъ это-то блестящее разрѣшеніе задачи было положено въ основу современной цивилизаціи и въ предѣлахъ и въ условіяхъ несовершенствъ и треній жизни мало-по-малу мучительно медленно претворялось въ жизнь. Ему то, этому равновѣсію, былъ нанесенъ ударъ, грозящій погубить съ несомнѣнностью весь современный общественный строй, всю современную культуру. Разложеніе идетъ быстрыми шагами, разложеніе всего того матерьяла, изъ котораго складываются общества живыхъ людей. Личность теряетъ государственный и нравственный смыслъ. Она утратила пониманіе какихъ либо идеаловъ, стоящихъ надъ личными интересами и уже почти 50 лѣтъ тому назадъ знаменитый нѣмецкій юристъ Іерингъ опредѣлилъ право какъ силу, охраняющую субъективные, т. е. личные интересы. Куда же дѣваться прежнимъ идеямъ справедливости и права, столь неразрывно прежде связаннымъ въ народномъ сознаніи съ нравственностью. Суды ограждали эти высокія понятія и люди вѣрили, что и на землѣ можетъ быть справедливость. Вѣрили, что правда рано или поздно восторжествуетъ и грѣхъ — преступленіе будетъ наказанъ. Но и суды, эти земные храмы справедливости подверглись поруганію, а главное клеветѣ. Вся, видите-ли, жизнь, состоитъ въ борь-

бѣ классовыхъ интересовъ и правосудіе тоже классовое, а не надклассовое. Всѣмъ хорошо однако извѣстно, что наши суды по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. воспитывали поколѣнія въ идеяхъ равенства, разрушая сословное міровоззрѣніе.

Но все равно, по трафареткѣ матерьялизма приказано низвергать всѣ храмы, всѣ идеалы и храмъ правосудія туда-же. Всякихъ эмблемъ идеализма прямо боятся, выносятъ иконы изъ школъ, чтобы дѣти не заразились. Что же удивительнаго, что Берлинская школьная анкета 1913 года, т. е. передъ самой войной, установила такой отвѣтъ школьника. На вопросъ пастора, какое значеніе имѣетъ религія, школьникъ отвѣтилъ: «это утѣшеніе для дураковъ и умирающихъ». Что удивляться: величайшая въ исторіи цивилизація, по гибкости и широтѣ какъ будто предназначавшаяся существовать вѣчно, грозитъ превратиться изъ христіанской, даже не въ языческую, а въ просто животную. Не пора ли одуматься и поспѣшно исправить пагубныя послѣдствія легкомысленнаго мнимо-научнаго, а политически чисто демагогическаго «увлеченія»? Не пора-ли въ полномъ согласіи съ біологіей и другими естественными науками признать, что человѣкъ животное и что только подгоняемое къ выше стоящимъ его идеаламъ и опутываемое тѣсною сѣтью соціальныхъ связей, оно подаетъ надежды на личное усовершенствованіе и усовершенствованіе своего общественнаго строя? Когда же его распутываютъ и предоставляютъ гулять на свободѣ, то культурная сусальная позолота быстро съ него слетаетъ, оно рычитъ и своимъ ду-

рацкимъ лбомъ старается повалить все то, что тысячелѣтіями воздвигнуто «спутанными» людьми.

Такимъ образомъ нуженъ пересмотръ понятія личности, безъ всякаго конечно возвращенія къ средневѣковымъ путамъ, но съ приближеніемъ къ христіанскому ученію. Необходимо, чтобы современные мыслители поняли свои обязанности въ этомъ отношеніи.

VI

Индивидуализмъ въ хозяйственной жизни современныхъ народовъ.

Состояніе хозяйственной жизни современныхъ народовъ заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ состояніе духовной жизни, ибо оно не менѣе грозно. И здѣсь неуклонное проведеніе началъ индивидуализма принесло тягчайшіе плоды. Быть можетъ именно въ этой хозяйственной части, производства и торговли, средневѣковой строй заслуживаетъ наибольшаго порицанія. Онъ положительно преграждалъ возможность какой либо личной предпріимчивости. Все было заранѣе опредѣлено: и гдѣ купить сырой матерьялъ и по какой цѣнѣ и сколько изъ него должно выйти предметовъ и по какой цѣнѣ ихъ надо продавать. Былъ установленъ списокъ того, что слѣдуетъ изготовлять и само собою предметы, не попавшіе въ списокъ, не должны были изготовляться. Всѣ эти правила имѣли большое нравственно-воспитательное значеніе. Развитіе въ наше время недобросовѣстной конкуренціи и другія печальныя явленія лучше всего доказали извѣстное значеніе отмѣненныхъ стѣснительныхъ правилъ. Всѣ эти правила, какъ равно и сами корпораціи ремесленниковъ и торговцевъ, поддер-

живавшія чувство чести въ участникахъ, были упразднены. Было принято не только за правило, но какъ бы за непреложную истину, что народное хозяйство есть дѣло частныхъ лицъ, которыя въ немъ дѣлаютъ, что хотятъ, сѣютъ и жнутъ что и когда хотятъ, а могутъ и вовсе не сѣять, могутъ производить что угодно, хотя бы одни предметы самой утонченной роскоши. Спросъ, предложеніе и конкуренція все приведутъ въ надлежащія границы, это казалось всѣмъ несомнѣннымъ. Вѣра въ предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ была безпредѣльна, не только не считали возможнымъ издавать какія нибудь правила, которыя бы руководили производствомъ, но даже не считали нужнымъ помогать свѣдѣніями о томъ, что происходитъ въ другихъ странахъ, или даже въ той же странѣ, но въ другомъ обществѣ. Ясно, что изъ этого произошло. Ремесленники, фабриканты и торговцы за свой страхъ и рискъ, на основаніи свѣдѣній о ближайшемъ рынкѣ, а только такія свѣдѣнія и были въ ихъ распоряженіи, выпускали въ обращеніе сколько имъ было возможно товара. Вопросы о томъ, нужны ли эти товары и въ какомъ количествѣ, не возникали. О потребностяхъ народа и не говорили. Промышленные и торговые кризисы перепроизводства были неизбѣжны. За ними слѣдовало разореніе нѣкоторыхъ особенно зарвавшихся и значительная пріостановка производства и торговли въ той области, въ которой обнаружилось перепроизводство. А что дѣлали рабочіе, занятые въ этой области производства; если это были простые чернорабочіе, они пытались найти заработокъ въ другихъ областяхъ

производства, если они были спеціалисты, то они оставались на многіе мѣсяцы безъ куска хлѣба. Хозяйство приняло видъ экипажа, которымъ правитъ или совсѣмъ неопытный, или скорѣе прямо испугавшійся и растерявшійся кучеръ: то лошади несутся вскачь съ опасностью каждую минуту разбиться и крылья экипажа уже поломаны, то кучеръ затягиваетъ возжи такъ сильно, что лошади становятся на дыбы и опять таки экипажу грозитъ опасность. Недопустимая картина для такой важной отрасли общественной жизни какъ хозяйственная.

Но кромѣ этого фона, получившагося благодаря освобожденію личности отъ всякихъ правовыхъ стѣсненій и укрѣпленію взгляда на народное хозяйство какъ чисто частное дѣло, привзошли обстоятельства, значительно усилившія бѣдствіе. Изобрѣтеніе пара, паровыхъ, а затѣмъ электрическихъ двигателей дало возможность перепроизводства въ колоссальныхъ размѣрахъ, никогда, конечно, въ исторіи не встрѣчавшагося.

Нѣкоторое упорядоченіе международныхъ отношеній, улучшеніе порядка передвиженія и перевозокъ изъ страны въ страну, а равно замѣна маленькихъ государствъ большими, соотвѣтственно объединенію племенъ въ громадныя націи, привели къ тому, что маленькій производитель изъ уѣзднаго городка могъ считать себя поставщикомъ всего міра. Всякіе предѣлы, всякія границы были забыты. Хозяйство превратилось въ безхозяйную область, въ вѣчно бушующее море, по которому плаваютъ лица всѣхъ національностей и занимаются своимъ чисто частнымъ дѣломъ. Какъ такое состояніе хозяйства отража-

лось на народныхъ потребностяхъ, были ли онѣ удовлетворены или наоборотъ, изготовлялись ли предметы роскоши или просто ненужные предметы, при чемъ преслѣдовалась задача создать новую и глупую потребность — хорошо извѣстно. Не менѣе извѣстно и какія бѣдствія приноситъ это безобразное неупорядоченное состояніе хозяйства съ его постоянными и неизбѣжными кризисами промышленными и торговыми мильонамъ рабочихъ. Колебаніе въ числѣ занятыхъ рабочихъ по отдѣльнымъ производствамъ, напримѣръ, котельномъ, по сравненію двухъ лѣтъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, выражалось въ процентахъ занятыхъ какъ 2—89%.

Но и на этомъ не остановились несовершенства современнаго общественнаго строя въ области хозяйственной. Среди промышленниковъ и торговцевъ появились особо крупные предприниматели. Имъ показалось это состояніе постоянно угрожаемаго конкуренціей совершенно нестерпимымъ и они стали образовывать тресты и синдикаты. Американская картина всѣмъ извѣстна. Какъ сообщаетъ одинъ изъ новыхъ изслѣдователей М. И. Назаревскій («Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства» Москва 1912 г.), компаніямъ Моргана и Рокфеллера удалось объединить почти всѣ отрасли производства и желѣзныя дороги въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Этотъ трестъ насчитываетъ до 33-хъ милліардовъ долларовъ капитала. Всѣмъ распоряжается 12 лицъ, подъ ними имѣется 89 лицъ, которыя занимаютъ мѣста директоровъ, въ общемъ 2000, въ разныхъ обществахъ «для связи». При чемъ при такихъ усло-

віяхъ свободная конкуренція, спросъ, предложеніе, права гражданъ, да пожалуй и форма правленія?

Но и на этомъ не остановилось. Событія въ наше время растутъ съ неимовѣрною быстротою. Много громкихъ фразъ было сказано въ области международныхъ отношеній. Заключены многочисленные договоры и созданъ былъ даже международный судъ въ Гаагѣ, но въ дѣйствительности незадолго до войны было для всѣхъ несомнѣнно, что въ области международныхъ отношеній царствуетъ принципъ первыхъ временъ исторіи человѣчества — войны всѣхъ противъ всѣхъ, съ полнымъ упраздненіемъ какихъ либо нравственныхъ правилъ, обязательныхъ для отдѣльныхъ людей. Тѣмъ паче въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Ужъ если въ предѣлахъ одного и того-же государства царитъ безграничный эгоизмъ, своекорыстіе, полное забвеніе о народныхъ интересахъ и полнѣйшій хаосъ, то тѣмъ болѣе въ области международныхъ отношеній. Здѣсь каждый народъ думаетъ только о себѣ и надо признаться, къ немалому удивленію, думаетъ также плохо, какъ въ такъ называемомъ народномъ хозяйствѣ каждый частный предприниматель. И дума эта выражается въ тѣхъ же рѣшеніяхъ какъ и у отдѣльнаго лица: производить побольше, не спрашиваясь ни съ рынкомъ, благо онъ всемірный и точныхъ размѣровъ его спроса никто не знаетъ. Тутъ конечно дѣйствуетъ конкуренція другихъ народовъ въ еще большей степени, и тогда возникаетъ народное стремленіе сбить противника во что бы то ни стало и какими угодно способами. Здѣсь конечно сказывается и вліяніе

трестовъ, которыя ищутъ для себя рынковъ, но въ сущности и безъ нихъ правительство считаетъ своей обязанностью вмѣшивать политику въ эту международную конкуренцію и нельзя сказать, чтобы при этомъ воздерживались отъ пріемовъ недобросовѣстной конкуренціи.

Но бѣда еще обостряется однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Если національное внутри-государственное хозяйство находится въ хаотическомъ состояніи и развивается стихійно, а не сознательно, то тѣмъ болѣе тоже самое происходитъ въ международномъ хозяйствѣ. И вотъ у всѣхъ народовъ замѣчается теперь одинъ и тотъ же процессъ: а именно они изъ земледѣльческихъ превращаются въ промышленные. Земля просто забрасывается, не обрабатывается.

Англія въ началѣ царствованія Королевы Викторіи довольствовалась своимъ хлѣбомъ до Рождества, къ концу того же царствованія хлѣба ставало только на два мѣсяца. Тотъ же самый процессъ бурно, стихійно происходитъ отчасти во Франціи, гдѣ земля страшно подешевѣла и въ Бельгіи и въ Германіи. Спрашивается: что же это разумный необходимый или даже неизбѣжный процессъ? Вандервельде описалъ уже, какъ въ маленькой Бельгіи начинается слабый, нѣсколько искусственный обратный процессъ возвращенія въ деревню (книга подъ этимъ названіемъ). Одни Сѣверо-Американскіе Штаты еще придерживаются отчасти принципа пропорціональности и удовлетворяютъ свое населеніе своимъ хлѣбомъ, развивая во то-же время до высшей степени свою промышленность. Другіе народы этотъ принципъ давно забыли, они давно

уже не имѣютъ своего хлѣба, не могутъ жить безъ чужого хлѣба. Вотъ почему гражданская война и большевизмъ въ Россіи являются такимъ обще-европейскимъ бѣдствіемъ. Но такъ ли это все неизбѣжно? Говорятъ мѣстный хлѣбъ по дороговизнѣ обработки не можетъ конкурировать съ ввознымъ и приходится бросать сельское хозяйство, или поддерживать его искусственно высокими пошлинами. Да нѣтъ-ли тутъ circulus vitiosus? не дорого-ли сельское хозяйство потому, что дороги рабочія руки, а рабочія руки не потому-ли такъ дороги въ деревнѣ, что рабочіе стихійно уходятъ на фабрики и въ города, образуя тамъ запасную армію фабричнаго производства, слишкомъ часто и не во времена кризисовъ остающуюся безъ работы? Нѣтъ-ли тутъ, говоря языкомъ физіологіи и патологіи, явно наличности неправильнаго кровообращенія? И куда идетъ это все развивающееся фабричное производство? Этотъ вопросъ уже совершенно всесторонне освѣщенъ; при хаотичности всего національнаго и международнаго производства, оно идетъ совершенно на авось и тресты заставляютъ правительство добывать новые рынки для національной промышленности. Но вѣдь это катастрофическое положеніе, вѣдь «дикихъ мѣстъ» на земномъ шарѣ становится все меньше, а всѣ государства развиваются въ одномъ и томъ же направленіи и слѣдовательно катастрофы въ родѣ только что пережитой и ни къ чему не приведшей міровой войны будутъ учащаться. И я думаю будущее становится вполнѣ яснымъ: современная культура и современный строй погибнутъ, даже слѣдующей такой встряски міръ не выдержитъ. Онъ

сокрушительно быстро обратится къ натуральному хозяйству — опять таки какъ передъ паденіемъ Рима — будетъ вымирать съ голода въ невѣроятныхъ размѣрахъ, нынѣшній строй будетъ замѣненъ какой либо большевистской сатрапіей, пока японцы или другая желтая раса не попытается покорить страны этой гибнущей культуры и на ея развалинахъ создать новую.

Или же европейскіе народы наконецъ одумаются; замѣнятъ стихійно безсознательное развитіе, напрасно называемое ими прогрессомъ, настоящимъ разумнымъ цѣлесообразнымъ прогрессомъ. Для этого имъ придется совершить два великихъ шага: первое — упорядочить ихъ національное хозяйство и второе — обратиться къ созданію, наконецъ, дѣйствительныхъ международныхъ соглашеній и даже единенія безъ всякаго конечно, нарушенія государственной самостоятельности отдѣльныхъ народовъ. Этого второго пункта, который облегчитъ возможность осуществленія какъ упорядоченія хозяйства, такъ и многаго другого, я коснусь въ заключительной главѣ, здѣсь же важно выяснить возможныя мѣры или хотя бы характеръ таковыхъ для перехода отъ хаотическаго народнаго хозяйства къ упорядоченію. Нельзя дѣйствительно, чтобы при современномъ культурномъ строѣ, при которомъ такъ подробно выработали формы и порядокъ всѣхъ тѣхъ функцій, которыя исполняетъ само государство и тѣхъ, исполненіе которыхъ оно поручаетъ частнымъ союзамъ, органамъ самоуправленія и даже отдѣльнымъ лицамъ, подъ своимъ надзоромъ и руководствомъ, одно хозяйство оставалось совершенно неупорядоченнымъ.

Несомнѣнно, что частная инициатива и прямо частный интересъ не могутъ быть устранены изъ области хозяйства и переходъ къ коммунистическому строю признается такими выдающимися вожаками соціалъ-демократіи какъ Каутскій, Бернштейнъ и др. прямой утопіей. Но если это утопія, то съ другой стороны оставленіе хозяйства въ нынѣшнемъ состояніи немыслимо. Надо найти средній путь съ сохраненіемъ частной инициативы, безъ нарушенія таковой въ чемъ либо. Образованіе Министерствъ Труда, Торговли и Промышленности является несомнѣнно большимъ шагомъ на этомъ пути, но, конечно, потребуется значительное расширеніе ихъ компетенціи, а равно созданіе и новыхъ органовъ. Конечно инициатива созданія промышленныхъ и торговыхъ заведеній, опредѣленіе выгодности или невыгодности даннаго дѣла, условій веденія его можетъ исходить только отъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, или компаній и имъ же принадлежать право частной собственности на созданныя ими или унаслѣдованныя предпріятія. Но, однако, промышленность и торговля не признаются и нынѣ чисто частнымъ дѣломъ, это своего рода государственное дѣло, переданное для выполненія частнымъ лицамъ по примѣру многихъ другихъ: просвѣщеніе и частныя учебныя заведенія, борьба съ преступностью и частныя общества патроната и т. д. Эта форма распредѣленія функцій между государствомъ и частными лицами и союзами является одной изъ наиболѣе распространенныхъ и плодотворнѣйшихъ. Не даромъ Спенсеръ сказалъ, что трудно себѣ представить, какія только государственныя функціи государство въ будущемъ не

передастъ для выполненія отдѣльнымъ лицамъ и союзамъ. Несомнѣнно, что промышленность и торговля принадлежатъ къ разряду дѣлъ чисто государственныхъ, народно-хозяйственныхъ, выполняемыхъ только частными лицами. Такой взглядъ давно укоренился уже въ современномъ законодательствѣ. Этимъ объясняются правила о веденіи торговыхъ книгъ и строгій надзоръ правительства за веденіемъ таковыхъ. Да иного взгляда и быть не можетъ при современномъ раздѣленіи труда, когда каждый изъ насъ вноситъ въ общую массу произведеній только какое нибудь одно два произведенія, а во всемъ остальномъ: въ жилищѣ, въ пищѣ, одеждѣ, отопленіи, освѣщеніи, просвѣщеніи и т. д. всецѣло зависитъ отъ правильности, своевременности и быстроты дѣятельности другихъ. Малѣйшее промедленіе въ изготовленіи и доставленіи не только пищевыхъ продуктовъ, но и лѣкарственныхъ и другихъ обрекаетъ цѣлыя мѣстности на смерть. Банкротство маленькаго торговаго предпріятія отражается на всемъ торговомъ мірѣ. Міровая война, выяснивъ съ полной яркостью этотъ характеръ промышленности и торговли при чрезвычайныхъ условіяхъ явилась основаніемъ для правительствъ къ установленію новаго типа отношеній къ промышленности и торговлѣ и эти нововведенія и новые взгляды облегчаютъ установленіе и новаго порядка отношеній къ промышленности и торговлѣ. Вотъ съ этой точки зрѣнія и долженъ быть освѣщенъ вопросъ о безпорядочномъ открытіи неопредѣленнаго числа промышленныхъ и торговыхъ заведеній, что ведетъ потомъ и къ кризисамъ и къ не-

добросовѣстной конкуренціи и къ трестамъ и ко всѣмъ прелестямъ современнаго хозяйственнаго строя.

Но какъ Государство будетъ въ состояніи осуществлять свою умѣряющую и упорядочивающую дѣятельность? Только при созданіи хозяйственнаго плана, приблизительно въ томъ же порядкѣ, какъ оно поступаетъ въ чисто государственномъ дѣлѣ заботъ о содержаніи государственнаго механизма, выражающихся въ конечномъ результатѣ въ составленіи смѣты расходовъ и доходовъ. Но для составленія такого годового плана хозяйства при современныхъ міровыхъ условіяхъ хозяйства необходимо предварительное международное соглашеніе и въ этомъ послѣднемъ корень дѣла, источникъ свѣта, направляющаго все дѣло. Пора посчитаться прямо и честно съ создавшимися современными условіями и путемъ соглашеній устанавливать, что каждое государство обязывается и что ему предоставляется вносить въ общіе запасы мірового хозяйства. Придется отложить страхи за самостоятельность и государственное верховенство, когда другого выбора нѣтъ. Или продолженіе современнаго порядка и неминуемыя непрерывающіяся потрясающія столкновенія и близкая гибель, — или соглашеніе. Такое соглашеніе не вѣчно и быть вѣчнымъ не можетъ, оно не преграждаетъ роста и развитія національныхъ промышленности и торговли, не уравниваетъ болѣе предпріимчивыхъ и менѣе предпріимчивыхъ. Это вѣроятно будутъ соглашенія на годъ, на два.

Но несомнѣнно, что государства постараются

по возможности возстановить симметрію въ развитіи своего сельскаго хозяйства съ одной стороны и промышленности и торговли съ другой. Постараются не нарушать въ такой грубѣйшей формѣ прежде существовавшаго принципа о возможно большемъ удовлетвореніи собственными средствами народныхъ нуждъ. Конечно возвращенія къ натуральному хозяйству быть не можетъ, сила принципа раздѣленія труда сохранится. Но есть предѣлы, а нынѣ они всѣ прейдены и вывозится и ввозится совсѣмъ не то, что по мѣстнымъ условіямъ не можетъ быть произведено или представляетъ собою выдающееся усовершенствованіе, какъ говорили въ средніе вѣка — произведеніе искусства.

Правительствамъ придется имѣть совершенно точныя данныя о положеніи всѣхъ отраслей хозяйства, имѣть опытныхъ подготовленныхъ спеціалистовъ для каждой отрасли хозяйства; конкуренція не будетъ совсѣмъ устранена, но въ ея благодѣтельности уже всѣ усумнились и если она будетъ ослаблена, то особой бѣды въ этомъ не будетъ. Если дѣло будетъ вестись правительствомъ не рутинно, по старымъ образцамъ, а гибко съ приспособленіемъ къ мѣняющимся условіямъ, то едва ли можно опасаться, чтобы пришлось устанавливать таксу на продукты. Вѣроятно удастся воздѣйствовать на промышленниковъ и торговцевъ не столько административно-принудительными мѣрами, сколько авторитетностью совѣтовъ, основанныхъ на совершенно недоступныхъ не только для отдѣльныхъ фабрикантовъ, но даже и компаніи, обширныхъ, точныхъ и самыхъ свѣжихъ данныхъ о положе-

ніи той или иной отрасли производства во всемъ государствѣ и на всемъ міровомъ рынкѣ.

Трудно исчислить всѣ тѣ благодѣянія, которыя могло-бы извлечь современное человѣчество изъ подобныхъ соглашеній. Безъ интернаціонала, коммуны, соціальныхъ революцій и тому подобныхъ утопій, при существованіи международнаго хозяйственнаго соглашенія такого рода (т. е. соглашенія о размѣрахъ ввоза и вывоза), какъ основы, возможно будетъ наконецъ международное, единственно осуществимое нормированіе числа рабочихъ часовъ безъ опасенія, что сторона, понизившая число часовъ, не выдержитъ конкуренціи. Не будетъ этого воздуха, наполненнаго злобой, стремленіемъ задушить хозяйственно своего противника, а если невозможно хозяйственно, то прямо физически. Это отравляющій, разлагающій всю современную цивилизацію, воздухъ. Въ новыхъ условіяхъ соглашеній государственныхъ, общественныя и частныя соглашенія польются дождемъ. Объ общихъ основаніяхъ и формахъ соглашенія будетъ сказано въ двухъ послѣднихъ главахъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что конечно головокружительной ломки существующихъ хозяйственныхъ отношеній не можетъ быть допущено. Послѣ установленія основыхъ началъ соглашенія и не отдѣльныхъ, а всѣхъ культурныхъ государствъ, а можетъ быть и не культурныхъ, національныя правительства путемъ постепенныхъ мѣръ, путемъ внутреннихъ соглашеній постараются привести мѣстное производство въ соотвѣтствіе и съ международными требованіями и съ требованіями симметріи въ развитіи мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности и торгов-

ли, и вообще и главное съ нуждами народными. Сами международныя соглашенія начнутся съ нѣкоторыхъ робкихъ поправокъ современнаго строя и лишь постепенно дойдутъ до широкихъ соглашеній и тѣсныхъ отношеній. Но если Государство, какъ таковое, создавая замиренную область, вмѣсто прежней арены безпрерывныхъ войнъ и борьбы, перевоспитало народъ, сдѣлало возможными немыслимыя до того отношенія лицъ одной и той же національности, торговыя и другія сдѣлки между ними, то международное соглашеніе несомнѣнно медленнѣе, постепеннѣе, но послѣдовательнѣе замиритъ нынѣшнюю область постоянныхъ и грозныхъ для культуры стычекъ и борьбы. Послѣ пріемовъ веденія народнаго хозяйства во время войны, когда всѣ производства были пріостановлены и всѣ работали полу-принудительно, полу-добровольно на нужды арміи, предполагаемый порядокъ не представитъ ничего фантастическаго ни даже неизвѣданнаго. При правильномъ жизненномъ проявленіи, онъ сведется къ тому, что дутыя неосновательныя предпріятія не будутъ разрѣшаться, что въ производствахъ слишкомъ развитыхъ, которыя должны были постоянно искать новыхъ рынковъ, по соглашенію между самими представителями этихъ производствъ, будутъ произведены сокращенія, что часть рабочихъ изъ сокращающихся производствъ будетъ вынуждена вернуться къ землѣ и каждая страна въ отдѣльности не будетъ въ такой мѣрѣ зависѣть отъ чужого хлѣба и чужихъ сырыхъ продуктовъ какъ нынѣ. Несомнѣнно, что рядомъ съ правительственными органами, какъ источникомъ авторитетнѣйшихъ знаній, благоже-

лательныхъ совѣтовъ и умѣренныхъ въ строго-необходимыхъ случаяхъ, прямо запретительныхъ или сокращающихъ мѣръ, начнутъ дѣйствовать многочисленные совѣщательные органы прежде всего изъ представителей одной и той-же отрасли промышленности и торговли, а затѣмъ совѣщательные органы представителей разныхъ отраслей (вспомнимъ возникшіе въ Германіи съ 1919 г. Arbeitsgenossenschaften, покрывшіе сѣтью своихъ совѣтовъ съ равнымъ представительствомъ отъ хозяевъ и рабочихъ всю страну). Какъ говорятъ французы, «ледъ наконецъ будетъ разбитъ», хаотическое авось будетъ замѣнено предвидѣніемъ, подробнымъ освѣдомленіемъ и соглашеніемъ. Кризисы и встряски станутъ мало-по-малу невозможными. Тресты и синдикаты явные и тайные отойдутъ сами собою въ прошлое или имъ придется встрѣтиться со строгой уголовной репрессіей, или по крайней мѣрѣ принудительнымъ закрытіемъ объединившихся обществъ.

VII

Равенство.

Идея равенства, какъ говорилось уже и выше, тоже была внесена въ нашу культуру христіанствомъ. Но люди и не столько заурядные, сколько политическіе мыслители и научные политики (Марксъ и др.), а главное просто демагоги исказили ее до неузнаваемости, до того, что изъ христіанской она превратилась просто въ безнравственную. Дѣйствительно христіанство относилось ко всему земному, какъ къ тлѣнному, преходящему, не придавало значенія земнымъ отличіямъ между людьми. Передъ Богомъ всѣ равны; происхожденіе, богатство, даже умъ нисколько не обезпечиваютъ достиженія Царства Небеснаго. Только тѣ, которые всѣмъ пожертвуютъ для спасенія души, тѣ, которые проявятъ особенныя нравственныя качества, поработаютъ надъ своимъ самоусовершенствованіемъ, тѣ только будутъ призваны въ Царствіе Небесное. При такихъ условіяхъ послѣдніе въ этой земной жизни съ точки зрѣнія земныхъ отличій могутъ оказаться первыми на небеси. Да, конечно, здѣсь, какъ говорилъ Христосъ, богатство не только не преимущество, а препятствіе къ спасенію, ибо даетъ возможность увлечься земными наслажденіями. Да, значеніе земныхъ отличій, дававшихъ

въ прошломъ возможность правовыхъ преимуществъ, то чѣмъ страдала дореволюціонная Европа, отрицается. Но можно-ли сказать, что здѣсь проповѣдывается равенство людей какъ таковыхъ, такихъ, какими они являются въ жизни. Конечно нѣтъ, здѣсь скорѣе проповѣдывается идея возможнаго равенства для тѣхъ, которые удовлетворятъ возвышеннымъ нравственнымъ требованіямъ. Въ дѣйствительности здѣсь скорѣе выставляется принципъ неравенства: получитъ награду только тотъ, кто ее заслуживаетъ, а конечно не всякій. Вотъ исходный пунктъ внесенія идеи равенства въ современную культуру. Дальнѣйшій шагъ — устраненіе всѣхъ ограниченій юридичесихъ въ зависимости отъ сословія, отъ богатства (разностепенные выборы) и т. д. былъ вполнѣ логическимъ. Эти искусственныя различія не могутъ служить никоимъ образомъ основаніемъ для оцѣнки ума, дарованій, нравственныхъ качествъ человѣка и тѣмъ менѣе умалять его честь. Они являлись препятствіемъ и очень тяжкимъ для свободнаго выявленія личныхъ дарованій и нравственныхъ качествъ. Это былъ несправедливый пережитокъ, въ особенности въ томъ новомъ индивидуалистическомъ строѣ, о которомъ говорилось. Демократизація государственнаго и общественнаго строя тоже можетъ быть признана вполнѣ естественной и желательной какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ же идей равенства, но при условіи правильнаго, спокойнаго, трезваго отношенія къ основнымъ началамъ этого новаго строя.

Къ сожалѣнію на этомъ развитіе идеи равенства не остановилось. Оно пошло дальше и скло-

няетъ или вынуждаетъ правительства, народы и общественное сознаніе на все болѣе неправильные и опасные шаги. Это неестественное расширеніе производится главнымъ образомъ по побужденіямъ демагогическимъ, явно-ли выраженнымъ или скрываемымъ подъ личиною политической мудрости, особой ученой прозорливости и т. д. Только до извѣстной степени и скорѣе не откровенно по тѣмъ же побужденіямъ демагогическимъ дѣйствуетъ чисто абстрактное логически-дедуктивное теченіе, которое создало, какъ мы видѣли уже выше, идею самодовлѣющей и совершенной личности. Если конечно отвлекать отъ всего разнообразія живой жизни и признавать всякую личность совершенной, то вполнѣ логически будетъ признать и всѣ личности равноцѣнными. Но такъ-ли это? Не слѣдуетъ ли прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всего того лѣса теорій, политическихъ ученій и преступно-пагубныхъ попытокъ, искаженія или даже полной замѣны современнаго общественнаго строя, а отчасти и началъ современной культуры, который выросъ на неправильномъ пониманіи идеи равенства, остановиться на искаженіи самой идеи равенства, на необходимости коренного пересмотра современнаго пониманія этой идеи, которое усвоено обществомъ вполнѣ непродуманно, безсознательно, какъ зараза.

Дѣйствительно современное понятіе о равенствѣ, положенное въ основу коммунистическихъ теорій, но въ дѣйствительности проводимое и многими другими политическими толками, попадающее какимъ то контрабанднымъ путемъ даже въ научныя сочиненія въ обла-

сти общественныхъ и естественныхъ наукъ, очень широко. Подъ видомъ облегченія всѣхъ соображеній выставляющее это понятіе теченіе прибѣгаетъ къ обыкновенному дедуктивному пріему обобщенія и получается отвлеченное понятіе о личности всегда себѣ равной и съ этимъ то понятіемъ и оперируютъ, изъ него исходятъ при предъявленіи всѣхъ мнимо-научныхъ политическихъ и соціальныхъ требованій. Вдумаемся, что изъ этого получается. Жизнь, живая настоящая жизнь конечно этого равенства не знаетъ; наоборотъ она знаетъ только несходства, только разнообразіе. Нѣтъ ни одного экземпляра среди животныхъ, нѣтъ ни одного индивида среди людей, который бы безусловно походилъ на другого, былъ бы тождественнымъ. Несходства физическія большія, но они при оцѣнкѣ людей, при рѣшеніи вопроса о возможности равенства не идутъ въ счетъ. Но вѣдь есть и психическія различія, которыя обойти едва-ли возможно. Достаточно сравнить категоріи типовъ людей. Вотъ передъ нами типы людей умныхъ, честныхъ, правдивыхъ, добрыхъ, предпріимчивыхъ, настойчивыхъ, рѣшительныхъ, трудолюбивыхъ, выдержанныхъ и рядомъ типы людей бездарныхъ, безчестныхъ, пронырливыхъ, лгуновъ, лѣнтяевъ, равнодушныхъ, безвольныхъ, гулякъ, расточителей и т. д.

Представимъ себѣ, что мы оцѣниваемъ ихъ не съ точки зрѣнія нравственности, а съ менѣе высокой, чисто практической, съ точки зрѣнія годности ихъ къ промышленной, торговой, всякой технической, умственной, общественной дѣятельности. Можно-ли допустить, что все разнообразіе этихъ типовъ не скажется немедленно на

дѣлѣ, что при какихъ угодно строяхъ это различіе останется скрытымъ, невыявленнымъ. И однако-же во имя новаго понятія о равенствѣ, во имя переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и новой высшей единственно неподдѣльной, неклассовой справедливости, отъ насъ требуютъ цѣнить всѣхъ этихъ людей различныхъ категорій одинаково, или по крайней мѣрѣ матерьяльно давать имъ одинаковое обезпеченіе. Какое хозяйство выдержитъ такое уравненіе лѣниваго, равнодушнаго, не предпріимчиваго съ человѣкомъ трудолюбивымъ, настойчивымъ, честнымъ и т. д.

Теперь говорятъ о капиталистическомъ ярмѣ или кнутѣ, который гонитъ голодомъ лѣнивыхъ на работы. А при устраненіи капиталистическаго строя какъ же быть съ лѣнивыми, ихъ производятъ какъ въ Совѣтской Россіи въ лицъ, сопротивляющихся законамъ, и сажаютъ въ тюрьмы.

Но не менѣе важно, не подрывается ли здѣсь не только христіанскій, но просто общечеловѣческій, общепризнанный принципъ, которымъ живетъ человѣчество тысячелѣтія, который составляетъ для него нерушимыя святая святыхъ, а именно высшій принципъ и Божеской и человѣческой справедливости: коемуждо по заслугамъ его. Этотъ принципъ точно и полно провозглашенъ Великой Французской Революціей, которая въ деклараціи правъ человѣка и гражданина заявила: всѣ равны за исключеніемъ неравенствъ, которыя происходятъ отъ неравенства дарованій и нравственныхъ качествъ. Если подорвать этотъ принципъ, то человѣкъ падетъ ниже животнаго, ибо и оно знаетъ этотъ принципъ. Вотъ какъ

и какъ далеко «эволюціонировало» христіанское понятіе о равенствѣ; оно докатилось до подрыва основного принципа человѣческой нравственности. Такого равенства человѣчество, пока оно совсѣмъ не станетъ погибать, никогда не допуститъ. А между тѣмъ, всѣ коммунистическія и утопически-соціалистическія теоріи и тѣмъ болѣе всѣ демагогическія, сколько бы онѣ этого не отрицали, исходятъ именно изъ такого пониманія равенства. Благодаря демагогической пропагандѣ эти понятія являются непродуманной приманкой для массъ и при малѣйшемъ политическомъ потрясеніи демагоги выступаютъ съ ними, во имя ихъ предъявляются самыя безобразныя и неосуществимыя требованія, ими оправдываютъ самыя возмутительныя насилія. Я понимаю, что идею равенства въ такомъ широкомъ размѣрѣ, сколь возможно большаго уравненія качествъ людей, можно поставить въ видѣ идеала, къ которому надо стремиться сознательно и неуклонно, принимая всѣ тѣ широкія мѣры соціальной политики и соціальнаго воспитанія, которыя мало-по малу усваиваются всѣми партіями. Идеалъ никогда конечно достигнутъ быть не можетъ, ибо онъ почти равенъ превращенію всѣхъ людей въ ангеловъ, но направленіе будетъ дано правильно. Но исходить въ предлагаемыхъ къ немедленному принятію мѣрахъ изъ той же идеи, какъ будто бы и она въ какой либо степени соотвѣтствовала дѣйствительности, какъ будто это примѣненіе возможно и безвредно — это одинъ изъ самыхъ кричащихъ видовъ лжи, которой къ сожалѣнію преисполнена наша культура. Никто этому кличу въ душѣ не вѣритъ, никто не допуститъ примѣненія

его къ себѣ и себѣ подобнымъ — людямъ занимающимъ то же соціальное положеніе, — это боевой кличъ противъ враговъ. Это результатъ мелкой злобы и зависти людей лѣнивыхъ, не предпріимчивыхъ, не оборотливыхъ, а такихъ въ человѣчествѣ много. Это тотъ кличъ, который выставилъ передъ аудиторіей Троцкій въ день своего пріѣзда въ Россію, говоря о необходимости сдѣлать землю общимъ достояніемъ въ равной долѣ для каждаго. Газеты утверждали, что 3000-ая аудиторія состояла изъ крестьянъ и пришла въ восторгъ, но очевидно потому, что она въ умѣ прибавляла одно слово «помѣщичьи» земли, а никакъ не свои. Ибо едва-ли теперь будетъ отрицаться и большевиками, а не отрицалось никогда другими соціалистическими партіями, что крестьяне ни подъ какимъ видомъ и никогда не допустятъ ни соціализаціи, ни уравненія своихъ земель. Осуществленіе этой мѣры во всемъ объемѣ въ Россіи съ упраздненіемъ всякой другой собственности, кромѣ крестьянской, по точнымъ статистическимъ даннымъ самихъ соціалистовъ (И. В. Чернышова и др.) дало бы не болѣе двухъ десятинъ на крестьянскій дворъ, а во дворѣ живетъ обыкновенно два или болѣе семейства, т. е. такое призрачное улучшеніе, которое получилось бы при раздѣленіи скопленныхъ капиталовъ между всѣми людьми. По расчету для такого города какъ Берлинъ это дало бы по 13 марокъ на человѣка (расчетъ, произведенный въ 1913 г.); это боевой кличъ для другихъ, но не для тѣхъ, которые его выставляютъ, т. е. иначе говоря онъ не имѣетъ ничего общаго съ идеею равенства. И однако-же во имя этой «новой» идеи равенства

требуется упраздненіе частной собственности, выставляются и дѣлаются попытки проведенія въ жизнь утопическаго коммунистическаго строя. Въ томъ, что надо упразднить частную собственность сходятся въ сущности даже всѣ умѣренные соціалисты, даже Каутскій, въ послѣднемъ фазисѣ развитія своихъ идей, когда онъ громитъ совѣтское государство и, забывая прежде сказанное, признаетъ вслѣдъ за выдающимся ревизіонистомъ Бернштейномъ, что мечтать о передачѣ веденія всего хозяйства въ руки государства безсмысленно, ибо даже образцовая, по сравненію съ другими странами, нѣмецкая администрація способна только къ такому упрощенному способу хозяйства, какъ сдачѣ земель въ аренду и ни къ чему другому.

Но если безъ частнаго интереса въ народномъ хозяйствѣ обойтись нельзя, если это хозяйство, при всей желательности руководства или скорѣе упорядоченія нынѣшняго хаотическаго его состоянія общественною властью, можетъ существовать и развиваться только благодаря частной иниціативѣ, предпріимчивости и заинтересованности, какъ же выставлять лозунгъ упраздненія частной собственности и все только во имя искаженнаго понятія равенства. Всѣмъ понятно, что самые гигантски-прогрессивные налоги совсѣмъ не то. Какъ надѣяться, что люди будутъ напрягать весь свой умъ, свою энергію, предпріимчивость, оборотливость, осторожность, всѣ эти далеко не столь обыкновенныя дарованія, надѣляемыя природою скупо, для того, чтобы на старости остаться нищими, а главное оставить нищими своихъ дѣтей — цѣль всей трудовой жизни. Вѣдь вотъ-

же совѣтское правительство рѣшилось ограбить такихъ настоящихъ пролетаріевъ, какъ дѣтей писателей и отняло у нихъ авторское право послѣ родителей и даже (новѣйшее распоряженіе) при жизни, въ случаѣ признанія необходимости соціализаціи опредѣленнаго произведенія. Много-ли ученыхъ и писателей рѣшится писать въ совѣтскомъ государствѣ при такихъ условіяхъ? Не опустѣетъ-ли эта карьера и безъ того небогатая силами. Вѣдь такъ можно отбить охоту проявлять вообще въ какомъ нибудь дѣлѣ починъ, что-либо вносить свое, когда это свое въ силу высшей справедливости будетъ признано чужимъ. Не вымретъ ли такой строй отъ полнаго безплодія и отсутствія творчества. А между тѣмъ когда подходятъ къ крестьянамъ, то тотъ же Каутскій въ «Аграрномъ вопросѣ» и другихъ своихъ работахъ считаетъ возможнымъ быть очень дипломатичнымъ, успокаивать крестьянъ, что земли отъ нихъ не отберутъ, хотя и оговаривается, что если бы они были развитѣе, то сами бы поняли свою выгоду въ объединеніи въ большія хозяйства, которыя могутъ быть поставлены гораздо совершеннѣе. Но если къ крестьянамъ могутъ снисходить, могутъ считаться съ такими крестьянами, какими они являются на самомъ дѣлѣ, то почему же всѣхъ людей брать не въ ихъ реальной сущности, а въ качествѣ какихъ то отвлеченныхъ, обобщенныхъ величинъ, лишенныхъ тѣхъ законныхъ интересовъ, которые настолько же нельзя отнять у людей, какъ потребность въ питаніи, пищѣ, снѣ и т. д.

Во имя той же искаженной идеи равенства дѣлались попытки соціальныхъ революцій и нако-

нецъ русскимъ большевикамъ удалось произвести опытъ въ большихъ размѣрахъ, и установенный ими строй существуетъ уже 6-ый годъ. Время столь продолжительное, что его нельзя считать только попыткой, сдѣланной наспѣхъ. Во главѣ стоятъ испытанные соціалисты, участвовавшіе и въ европейскихъ движеніяхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Поэтому никоимъ образомъ невозможно отрицать у этого опыта всей его авторитетности, а у вождей сознательности и обдуманности дѣйствій. Это опытъ не русскій только, а міровой. Тотъ коммунистическій строй, который только все обѣщали, наконецъ осуществленъ. Не отступая отъ прямыхъ обѣщаній нельзя было поступить иначе. Дѣйствительно — обѣщанное выполнено: частная собственность вполнѣ упразднена, всякія сословныя, національныя, вѣроисповѣдныя различія упразднены. Нѣтъ больше ни частной промышленности, ни частныхъ предпріятій, ни частной торговли, ни частныхъ банковъ, ни частныхъ училищъ. Религія сдѣлалась чисто частнымъ дѣломъ, терпимымъ постольку, поскольку она не противорѣчитъ соціалистическимъ ученіямъ. Но фактически она оказывается явленіемъ нетерпимымъ. Все производство ведется исключительно правительственною властью. Средства къ существованію и заработокъ можно получить только на службѣ государству. Объявлялось неоднократно, что семья, какъ ячейка, имѣющая права на своихъ дѣтей, разрушена и воспитаніе дѣтей взяло на себя государство. Какъ же не сказать, что проповѣдывающійся такъ долго идеалъ наконецъ осуществленъ. Все это декретировано. Если открыть выходив-

шее первые мѣсяцы послѣ переворота 25 Октября 1917 г. собраніе узаконеній рабочаго и крестьянскаго правительства, то слова упразднить и отмѣнить составляютъ главное содержаніе всѣхъ декретовъ.

Но какъ же обстоитъ дѣло на самомъ дѣлѣ въ жизни. Вотъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ совѣтскихъ газетъ. Восемью русскими паровозо-строительными заводами было изготовлено въ 1918 г. только 191 паровозовъ, а въ 1917 г. — 520. Число фабричныхъ предпріятій г. Москвы сократилось съ 681 до 173. Въ Новгородской губерніи 162 крупныхъ предпріятія не работаютъ и т. д. Всюду сокращеніе на 75 до 100%

Кіевскій отчетъ Государственнаго контроля удостовѣрялъ въ 1919 г. то же самое, отмѣчая злоупотребленія Комиссаровъ. Съ тѣхъ поръ сокращеніе числа промышленныхъ предпріятій ушло далеко впередъ. Желѣзныя дороги и всѣ способы транспорта почти прекратили свою дѣятельность. Сельское хозяйство въ существѣ дѣла въ еще худшемъ состояніи. Настоящаго закона о землѣ, проведеннаго въ жизнь (есть Аграрный кодексъ) нѣтъ. Въ началѣ однимъ изъ первыхъ декретовъ было предоставлено самимъ крестьянамъ разобраться въ землѣ, позднѣе былъ изданъ законъ, образовывавшій особые земельные фонды на губернію, при чемъ крестьяне признавались земледѣльцами, но не землевладѣльцами и обязывались выставлять извѣстное количество хлѣба. Какъ сообщали совѣтскія газеты, крестьянами въ 1920 г. было выставлена 1/5 того, что они должны были выставить, а вывезено въ дѣйствительности только 4%. И это вполнѣ естественно, ибо до того были

особые карательные земельные отряды и крестьяне со своей очевидно невѣжественной точки зрѣнія сократили посѣвы до размѣровъ необходимаго для семьи пропитанія. Вообще-же необработанными остаются почти цѣликомъ цѣлыя губерніи. (Изъ 75 милліоновъ десятинъ до 35 м. не обработано.)

Финансовый декретъ 1920 г. прямо признавалъ, что такъ какъ крестьяне не пожелали подчиниться аграрнымъ законамъ, то въ смыслѣ налога ихъ раздѣляютъ на кулаковъ, средняковъ и пролетаріевъ.

Городское населеніе уменьшилось разъ въ пять, во сколько разъ уменьшилось населеніе всей страны покажетъ будущая статистика. Смерти отъ истощенія являются столь распространенными, что переживаемое время со временами неурожая сравнить нельзя. Въ физическомъ и экономическомъ отношеніяхъ напрашивается только одно слово: смерть и въ этомъ равенство почти достигнуто. Правда, когда рабочимъ по карточкамъ еще выдавали 1 фунтъ хлѣба на душу въ день, бывшимъ буржуямъ, т. е. нынѣшнимъ нищимъ въ буквальномъ смыслѣ слова, выдавали ⅛ фунта для того, какъ выразился Предсѣдатель Петроградской коммуны, чтобы не забыли запаха хлѣба, когда будутъ подыхать.

Достигнуто-ли наконецъ столь желанное основное равенство? Все населеніе раздѣлилось рѣзко на двѣ категоріи: управляющихъ и управляемыхъ. Для того, чтобы ясно себѣ представить это рѣзкое разграниченіе, нельзя довольствоваться ознакомленіемъ съ законами совѣтской Россіи. Совѣтское Правительство въ 1919 г. издало

даже «Сборникъ важнѣйшихъ декретовъ», въ которомъ свыше 240 страницъ убористаго шрифта. Это конечно не собраніе настоящихъ законовъ, а собраніе тѣхъ грубыхъ, аляповатыхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которые никакого примѣненія къ жизни не имѣютъ. Дѣйствительно, въ статьѣ 64 и слѣдующей Конституціи (основной законъ) «Росс. Соц. Фед. Совет. Респ., принятой V Всерос. Съѣздомъ 10 Іюля 1918 г.» изложено активное и пассивное избирательное право. Повидимому всѣ граждане обоего пола, достигшіе 17 лѣтъ, имѣютъ право избирать и быть избираемыми въ мѣстные совѣты. Исключены только лица, прибѣгающія къ наемному труду, живущія на нетрудовой доходъ (?) какъ то % съ капитала (?), частные торговцы, торговые и коммерческіе посредники (?), монахи и духовные служители, служащіе и агенты бывшей полиціи, члены царствовавшей въ Россіи Династіи, душевно-больные и осужденные за корыстныя преступленія. Но помилосердуйте, господа авторы аляповатаго краснорѣчія: вѣдь даже малолѣтнему ребенку извѣстно, что представители не только правыхъ политическихъ партій, но даже соціалъ-демократы и соціалъ- революціонеры разстрѣливаются немедленно при малѣйшемъ проявленіи своихъ политическихъ взглядовъ. Слѣдовательно, въ этой статьѣ при самой обыкновенной честности, соблюдавшейся даже при теперешнемъ строѣ, надо было-бы просто сказать: право активнаго и пассивнаго избранія принадлежитъ 150000 коммунистамъ (цифра, указанная въ сочиненіи «Россія во мглѣ», услужливаго Уэльса). Всѣ же остальные милліоны душъ могутъ голосовать про себя. Власть, разо-

гнавшая Учредительное Собраніе, въ которомъ, несмотря на примѣненіе прикладовъ при выборахъ, большевики оказались совершенно въ меньшинствѣ, должна была бы быть хоть немного откровеннѣе на словахъ. И тогда о равенствѣ будетъ просто смѣшно говорить. Если ужъ вѣрить въ равенство, тогда придется вѣрить и статьѣ 13 и слѣдующей той же «конституціи» о томъ, что установлена не только полная свобода собраній, слова, печати, но даже всѣ необходимыя средства предоставлены для этого гражданамъ. Просто даже непонятно, какъ могло безстыдство дойти до того, чтобы печатать сборникъ непримѣняемыхъ законовъ, а объ организаціи чрезвычаекъ не сказать ни слова (о нихъ только упоминается въ декретѣ о красномъ террорѣ). И совѣтскую Россію едва ли можно назвать государственною организаціей, это скорѣе подпольная тайная партійная организація, вышедшая на короткій срокъ на Божій свѣтъ и сохраняющая весь стиль тайной организаціи. То что написано, это для дураковъ и для «Европъ», въ дѣйствительности же все дѣло не въ законодательствѣ и конституціи, а въ тайномъ Управленіи за спиною всякихъ совѣтовъ въ видѣ ширмъ. Еще рѣзче неравенство выражается въ управленіи. Управляемые-ихъ можно видѣть въ безнадежно-длинныхъ хвостахъ у всякихъ продовольственныхъ лавочекъ. Управляющіе разъѣзжаютъ въ колясkaхъ, посылаютъ своимъ дамамъ дорогіе букеты, съ балконовъ реквизированныхъ зданій поютъ пѣсни и бросаютъ нищимъ, какъ они сами говорятъ, трудовую копейку (все это факты мнѣ лично извѣстные). Управляющихъ много, гораздо больше, чѣмъ при

царскомъ строѣ. Создаются разныя учрежденія съ пышными названіями, учрежденія наполняются платными служащими, но денегъ на само дѣло не отпускается, напримѣръ, переводы, изданіе дѣтскихъ книгъ и т. д.

Равенство, демократическій строй — это недоразумѣніе. Мы имѣемъ дѣло съ господствомъ одной партіи, которая называлась сначала соціалистами — демократами, большевиками-максималистами (заявленіе Ленина въ 1903 г.), а потомъ коммунистами. Всѣ не принадлежащіе къ партіи, по яркому выраженію того же Ленина (двѣ тактики 1905 г.), «мелко-буржуазная волна», ихъ конечно, какъ признавалъ и Ленинъ, десятки милліоновъ. Но вѣдь это переходное время — диктатура пролетаріата.

Срока для переходнаго времени не назначено, повидимому, до полнаго перевоспитанія мелко-буржуазной волны, или вѣроятнѣе до полнаго ея вымиранія. Кто же другъ, кто врагъ этому строю? Всѣ бывшіе буржуи-помѣщики, фабриканты, купцы, духовенство; крестьяне, оставшіеся безъ хозяйства, рабочіе, оставшіеся безъ заработка и т.д, отсюда понятны размѣры дѣятельности чрезвычаекъ — ихъ по нѣсколько въ каждомъ городѣ. Въ Кіевской чрезвычайкѣ на верху найдены пустыя бутылки, шприцы для морфія, кокаина, внизу комнаты, стѣны которыхъ обрызганы кровью и человѣческими мозгами. Казнили рабочихъ, возвратившихся изъ ссылки только послѣ революціи, но державшихся самостоятельныхъ мнѣній, казнили судейскихъ, даже отставныхъ только потому, что они когда-то примѣняли законы, казнили проститутокъ, зараженныхъ сифилисомъ....

Чрезвычайки — орудіе власти и господства большевистскаго строя. Такъ было въ началѣ; но по самой неограниченности своей власти, чрезвычайки изъ орудія стали скоро самою верховною властью, передъ которой всѣ власти трепетали.

Большевистскій строй имѣетъ уже своихъ критиковъ. Карлъ Каутскій, въ сочиненіи «Диктатура Пролетаріата», вышедшемъ вторымъ изданіемъ послѣ германской революціи, призналъ этотъ строй карикатурой на соціалистическій строй. Онъ утверждаетъ, что это господство одной партіи, а не соціалистическій строй. По мнѣнію Каутскаго настоящій соціалистическій строй явится высшимъ осуществленіемъ свободъ, онъ будетъ непремѣнно демократическимъ, будетъ относиться съ особымъ вниманіемъ къ меньшинствамъ, ибо и въ соціалистическомъ строѣ будетъ борьба партій и вчерашнее меньшинство станетъ сегодня правящею партіею. Незамѣтно для себя онъ повторяетъ столь порицавшееся всѣми соціалистами, въ томъ числѣ и имъ, заявленіе Бернштейна, что осуществленіе соціалистическаго строя есть идеалъ будущаго, что рабочіе не созрѣли, чтобы взять власть въ свои руки, что современный парламентскій строй вполнѣ благопріятенъ развитію соціализма, ибо даетъ рабочимъ возможность созрѣвать и проводить извѣстныя реформы. Англійскіе рабочіе на конгрессѣ тредъ-юніоновъ въ Лондонѣ 10/11 Сентября 1919 г. (сравни Таймсъ) очень бурно заявляли, что прямое злоупотребленіе (misuse) словомъ называть совѣтскій строй республикой, когда несчастный народъ лишенъ возможности высказаться о желательномъ ему государственномъ строѣ. А другой рабочій въ повы-

шенномъ тонѣ заявилъ, что въ «нашей странѣ» подобнаго строя быть никогда не можетъ.

Профессоръ Туринскаго Университета Робертъ Михельсъ, бывшій германскій соціалъ- демократъ, въ очень интересномъ сочиненіи «Соціологія партійнаго дѣла» (Die Soziologie des Parteiwesens) описалъ дѣйствительный строй германской соціалъ-демократіи. Рѣшительно отмѣчено, въ какой мѣрѣ она помирилась съ парламентскимъ строемъ и довольствуется соціальною политикой, т. е. рядомъ постепенно проводимыхъ реформъ по улучшенію положенія рабочихъ. Выясняется, что рабочіе, ставшіе редакторами многочисленныхъ изданій соціалъ-демократіи, секретарями и вообще членами правительства партіи, совершенно не расположены къ сколько нибудь рѣзкимъ поворотамъ, а тѣмъ болѣе къ соціальной революціи. Самое устройство управленія партіи основано на двухъ-степенныхъ выборахъ и массы устранены отъ всякаго непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла. Предсѣдатель Петроградской Коммуны Зиновьевъ въ работѣ «Крахъ германской Соціалъ-Демократіи» видитъ въ этихъ явленіяхъ крахъ германской Соціалъ-Демократіи, объясняя его громаднымъ числомъ попутчиковъ (Mitläufer) изъ мелкой буржуазіи, которые даже въ Берлинѣ даютъ около 50% всего состава партіи и дѣйствуютъ разлагающе на весь строй соціалъ-демократіи.

Вотъ въ какой мѣрѣ дѣйствительная реальная и повседневная жизнь расходится рѣзко съ тѣмъ идеаломъ, скажемъ болѣе, съ тѣми требованіями, которыя выставлялись неизмѣнно со времени Маркса и, будемъ откровенны до конца, продолжаютъ

стоять на фронтѣ соціалистическихъ научныхъ теорій и даже соціалистическихъ партій. Это различіе указываетъ на ту ложь, которую допускали для привлеченія массъ и для введенія ихъ въ заблужденіе. Но нашлись такіе смѣлые люди, просто фанатики, которые, забывая всякую осторожность, попытались дать то, что обѣщано, то, что стоитъ на фронтонѣ въ качествѣ непререкаемаго и возможнаго лозунга, и результаты на лицо. Выхода нѣтъ, надо отказаться отъ слишкомъ красиваго лозунга, его неосуществимость доказана воочію. Да, это дѣйствительно полный крахъ, но только не вполнѣ здоровой германской соціалъ-демократической партіи, послѣдовательно развивающей со времени Лассаля, и не безъ большого вліянія Бернштейна, соціальную политику. А девизъ этой политики правильно опредѣленъ Бернштейномъ, сказавшимъ: «для меня все равно, будетъ-ли когда нибудь достигнуть идеалъ или нѣтъ, для меня важно, чтобы происходило безпрерывное движеніе по направленію къ идеалу.» Да, это крахъ утопическаго соціализма, крахъ Марксистскаго ученія, которое наши большевики, совершенно проспавшіе, какъ Потокъ-богатырь, послѣдніе 50 лѣтъ, попытались осуществить на дѣлѣ. Пора, давно пора, не разжигая болѣе массъ, признать, что съ Марксомъ совсѣмъ кончено, народы не пожелали ни ждать объединенія всего капитала въ рукахъ немногихъ лицъ (Zusammenbruchstheorie), ни производить соціальную революцію по коммунистическому манифесту 1848 г. Пора поставить просто Маркса на полку съ книгами и убрать алтари тупоумно фанатическаго поклоненія. Большевистскій опытъ произведенъ не

для одной Россіи, а на спинѣ русскаго народа для всего міра, пора честно признать, что это опытъ не въ рамкахъ русскихъ условій, а обще-міровыхъ. Что это все то, что могъ дать утопическій соціализмъ, и что ничего другого получиться и не могло. Надо договорить неискреннія слова Каутскаго до конца. Не надо оставлять иллюзіи, что большевики прегрѣшили противъ соціалистическаго идеала и совершили свое «дѣйство» слишкомъ рано, а то все было-бы хорошо. Это просто вредная ложь, ибо откладывать дѣло до того времени, когда массы станутъ такими же образованными, культурными и политически-воспитанными, какъ ихъ вожди, значитъ вовсе отказываться отъ осуществленія перваго идеала, ибо его осуществленіе ставится въ зависимость отъ столь-же неосуществимаго идеала-поднятія массъ на исключительно высокій уровень развитія. Это никогда не удастся, здѣсь circulus vitiosus: поднятіе умственнаго уровня нужно для улучшенія матеріальнаго положенія, а первое возможно только, если будетъ достигнуто въ значительной степени второе. Что же прежде? Наконецъ, когда-бы ни приступили къ осуществленію идеала, дѣйствительнаго большинства на его сторонѣ никогда не будетъ, существованіе «попутчиковъ» и крестьянъ достаточно въ этомъ убѣждаетъ. А если такъ, то придется произвести соціальную революцію, образовать диктатуру пролетаріата, все по рецепту большевиковъ. Но главное надо не только честно отказаться отъ насильственнаго идеала, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, но и имѣть мужество сказать вмѣстѣ съ Бернштейномъ, что идеалъ неосуществимъ Нельзя дать людямъ оди-

наковое благосостояніе, если стремиться хотя-бы къ современному среднему уровню благосостоянія.

Несмотря на всю наглядность и неудачность большевистскаго опыта нельзя однако же сказать, чтобы онъ не имѣлъ подражателей въ Европѣ и тамъ было-бы вполнѣ спокойно. Несмотря на всю невѣроятную грубость поставленныхъ Ленинымъ условій для присоединенія къ III Интернаціоналу, сводящихся къ простому подчиненію его волѣ всѣхъ соціалистическихъ организацій міра (бредъ фанатика), къ III-му Интернаціоналу присоединились многіе. По этому поводу произошелъ расколъ и въ германской партіи независимыхъ и въ соціалистическихъ партіяхъ и синдикатскихъ организаціяхъ французскихъ, не говоря уже о громадномъ движеніи въ Италіи. И это несмотря на явное и прямое оскорбленіе всякаго самаго слабаго національнаго чувства, а Ленинъ, какъ проповѣдникъ, требовалъ забвенія о настоящей родинѣ и находилъ, что родина тамъ, гдѣ снъ и правда только, тамъ. Съѣздъ II-го Интернаціонала въ Женевѣ пошелъ правда за своимъ вождемъ Вандервельде и англійская независимая рабочая партія на партійномъ конгрессѣ 30 Марта 1921 г. большинствомъ 521 голоса противъ 97 отвергла такое присоединеніе. А послѣдній Съѣздъ Интернаціонала въ Гамбургѣ закрылъ двери коммунистамъ и поставилъ сторожей къ дверямъ. Но не вездѣ составилось такое большинство. Въ самомъ Парижѣ газета «Humanité» оказалась въ рукахъ большевиковъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ совѣтники Муниципалитетовъ дѣлятся пополамъ: на присоединившихся и не присоединившихся къ III

Интернаціоналу. Нельзя конечно всякую стачку хотя бы углекоповъ и желѣзнодоржниковъ въ Англіи считать преддверіемъ къ большевизму. Но однако-же нельзя отрицать, что въ той или другой формѣ, передъ народами, утомленными войной и изголодавшимися, раздраженными всѣми неустройствами въ производствѣ и торговлѣ, витаетъ идея, которую проф. Новгородцевъ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ «Объ общественномъ идеалѣ» (1921 г.) считалъ уже какъ-будто похороненной самими соціалистическими организаціями. Это идея земного рая въ качествѣ общественнаго идеала. Идея давнишняя, имѣющая корни въ цѣломъ рядѣ ученій 18-го столѣтія и болѣе раннихъ. Есть однако глубокая разница между всѣми прежними ученіями по этому предмету и современной формой. Прежнія ученія выставляли идеалъ, а идеалу позволительно быть и недостижимымъ и фантастическимъ, нынѣшніе защитники этого ученія считаютъ его программой для немедленныхъ дѣйствій. По существу это логическій выводъ изъ всего, что было сказано выше по поводу индивидуализма. Когда настоящіе возвышенные идеалы разрушены вмѣстѣ съ религіей и безспорными требованіями нравственности, когда вмѣсто устремленій вверхъ, человѣкъ и его вожделѣнія стали центромъ, вполнѣ логично, чтобы и идеалъ сталъ земнымъ. Но сталъ-ли онъ отъ этого осуществимѣй? Это немедленное облагодѣтельствованіе всѣхъ въ равной и все-таки высокой степени, какъ доказано уже выше, конечно невозможно ни нынѣ, ни въ будущемъ въ полной мѣрѣ. Но это именно та идея, которая скорѣе всего можетъ соблазнить и увлечь изголодавшіяся и утомленныя массы. Что

будетъ дальше, если массы потребуютъ въ дѣйствительности осуществленія этого идеала немедленно.

Настоящіе государственные люди, къ какой бы партіи они ни принадлежали, не выставляютъ такого идеала и не берутся его осуществлять. Но демагоги совершенно естественно находятъ въ этомъ теченіи подходящій для себя случай. Демагогія представляетъ собою съ нравственной стороны смѣсь легкомыслія, безнравственности и неискренности. Она во всѣ времена являлась язвой, подтачивавшей самыя здоровыя, повидимому, народоправства, напримѣръ, аѳинское, затѣмъ римское и т. д. Она выражается съ внѣшней стороны въ раболѣпномъ служеніи народу, или вообще толпѣ, причемъ страстные, легкомысленые, или явно безнравственные демагоги не различаютъ между толпой и организованнымъ народнымъ собраніемъ или организованнымъ народнымъ представительствомъ. Имъ важно увлечь какое нибудь собраніе людей и отъ его имени вѣщать, а при благопріятныхъ условіяхъ и законодательствовать. Вспомнимъ недавнія рѣчи Ленина съ балкона Кшесинской: Товарищи, вотъ ѣдетъ автомобиль, это вашъ автомобиль, въ которомъ только незаконно сидитъ буржуй. Ясно, что это подрывъ одной изъ важныхъ основъ современнаго общественнаго строя, который справедливо гордится постановкой правильнаго упорядоченнаго образа выраженія народной воли и строгаго устраненія вліянія толпы и случайныхъ собраній. Въ основѣ всего этого теченія или образа отношеній лежитъ то же невѣрное представленіе о равенствѣ людей, страстное гипнотизирующее желаніе услышать одобреніе собранія и, какъ это ни мало послѣдо-

вательно, какъ будто-бы глубочайшее презрѣніе къ этой самой толпѣ, къ этимъ баранамъ людскимъ, которыхъ можно, какъ овчину, выворотить и на лицевую сторону и на изнанку.

Гдѣ же правда? И не обманываетъ ли демократизмъ, нѣтъ ли въ немъ скрытой лжи. Каждому свое. Массѣ — все-таки собираемой въ организованныя собранія, а не случайной толпѣ, предоставляется одобрять выборъ тѣхъ или иныхъ кандидатовъ въ народныя собранія, предлагаемыхъ ей партіями въ мотивированныхъ рѣчахъ, одобрять общее направленіе порядка управленія страной. Но она не только не можетъ управлять или судить, но и законодательствовать. Швейцарскій референдумъ даетъ совсѣмъ неблагопріятные результаты. Абсентеизмъ чрезвычайно великъ, раздѣленіе голосовъ такъ велико, что нерѣдки случаи, когда въ многочисленныхъ собраніяхъ большинство выражается въ нѣсколькихъ голосахъ. Не надо забывать, что передъ голосованіемъ не бываетъ всесторонняго обсужденія законопроекта. Но тогда зачѣмъ же говорить о волѣ народа, объ управленіи страной отъ имени народа, о преимуществахъ демократическаго строя. Въ этомъ всемъ нѣтъ никакого преувеличенія. Но въ чемъ же дѣло? Въ видѣ отвѣта сравненіе. Въ чемъ главное значеніе и важность собранія народныхъ представителей-парламента. Въ томъ-ли что къ участію въ законодательномъ дѣлѣ, т. е. главнымъ образомъ юридическомъ, призываются не юристы, а лица часто знающія только мѣстныя дѣла и съ трудомъ слѣдящія за общими, частью отвлеченными, вопросами. Совсѣмъ нѣтъ. Значеніе парламента въ томъ, что создается учрежденіе изъ вполнѣ независимыхъ людей, въ кото-

ромъ можно безнаказанно, на всю страну, во всеуслышаніе всего народа заявить: а тутъ неладно, тутъ безпорядокъ, тамъ хищенія или превышенія власти; и если строй демократическій и народъ привыкъ интересоваться судьбами родины, то не только скрыть нельзя, но и не исправить нельзя. Когда у насъ учредили Государственную Думу, то несмотря на всю ограниченность ея правъ въ вопросахъ финансовыхъ, одна необходимость выйти на Божій свѣтъ и подвергнуться перекрестному обсужденію, заставила составителей смѣтъ почистить заблаговременно таковыя до неузнаваемости. Да и при широко-демократическомъ строѣ начало равенства не соблюдается. Да, конечно, законодательствуютъ и управляютъ немногіе даровитѣйшіе, рѣшительные, пользующіеся наибольшей популярностью въ народѣ. Но они не безконтрольны. За ними слѣдятъ столь же компетентные ихъ противники, которые во всякое время могутъ со всею яркостью и доказательностью сообщить народу объ уклоненіи Министерства и его органовъ отъ удовлетворенія дѣйствительныхъ и безотлагательныхъ народныхъ интересовъ. Народу остается роль Верховнаго Судьи, за него работаютъ выдающіеся люди и все ему докладываютъ, но рѣшаетъ въ конечномъ результатѣ воля народная, безъ всякой подмѣны и обмана. Народъ дѣйствительно источникъ всѣхъ властей, лучъ свѣта всеозаряющій и выполненіе его обязанностей ему по силамъ. Демагогическое же направленіе, если и не подтасовываетъ случайнаго или даже подобраннаго собранія вмѣсто настоящаго народнаго, то во имя мнимаго равенства пытается вовлечь народъ въ непосильныя для него дѣла, а въ дѣйствительности выдать за его волю свои собствен-

ныя желанія. Какъ справедливо отмѣчаетъ выдающійся французскій ученый юристъ Жозефъ Бартелеми въ своемъ сочиненіи «Le probléme de la competence dans la Democratie» (1917 г.) въ современной демократіи ставится остро вопросъ о томъ, какую долю компетенціи выдѣлить любителямъ государственной дѣятельности и какую техникамъ и спеціалистам. И онъ правъ, утверждая, что какъ бы остро, въ особенности во время минувшей войны, ни ставился этотъ вопросъ, при демократическомъ строѣ народъ самоуправляющійся, дорожащій своими правами, своей свободой, никогда не откажется отъ своего права высшаго контроля, отъ своего права посылать въ парламентъ не техниковъ, не спеціалистовъ по законодательству, а людей, пользующихся его довѣріемъ.

Такой контроль «любителей» надъ спеціалистами имѣетъ несомнѣнно преимущество въ смыслѣ огражденія отъ злоупотребленій, превышенія власти, нежизненнаго, хотя бы технически-правильнаго, направленія всей дѣятельности. Но если все это такъ, если, какъ указываетъ и Бартелеми въ названномъ сочиненіи (стр. 36), ни въ одной здоровой демократіи при всемъ уваженіи къ правамъ народнымъ не возбуждается сомнѣній въ томъ, что самая демократическая страна должна все же управляться лучшими, наиболѣе даровитыми и образованными людьми «избранниками», то все же нельзя не признать, что границы при отдѣленіи лучшихъ отъ нелучшихъ людей, при устраненіи признака спеціальныхъ знаній, очень шатки. И вотъ тутъ то, въ этомъ слабомъ мѣстѣ и пытаются примѣнить свои силы враги демократіи и всякаго порядка-демагоги. Да, настоящіе государственные дѣятели, начиная съ Перикла и Де-

мосфена, обращаются тоже къ народу какъ источнику власти, стараются его убѣдить, привлечь на сторону своихъ взглядовъ. Но настоящіе государственные люди все-же люди честные, а потому они склоняютъ народъ въ свою пользу честными путями и прежде всего говорятъ ему правду. Въ устахъ Перикла и Демосфена эта правда бывала иногда даже крайне горькой и крайне рѣзкой. Не отрицая у настоящихъ государственныхъ людей честолюбія и самолюбія, все-же, если взять хотя бы портретную галлерею изъ исторіи Англіи Маколея, придется признать, что честь родины и родного народа для нихъ выше личнаго самолюбія, что имѣя претензію управлять и не мимолетно — они не станутъ рекомендовать того, что нравится народу, но что неосуществимо. Другое дѣло демагоги, это несомнѣнно одно изъ проявленій крайняго индивидуализма, здѣсь личное честолюбіе и самолюбіе на первомъ планѣ, ему жертвуютъ всѣмъ и конечно и благомъ народнымъ.

Для нихъ народъ простая деревянная лѣстница, служащая для того, чтобы подняться выше другихъ людей. Понятно, что они ловятъ рыбу, когда политическій горизонтъ замутился, и ловятъ всегда на негодную фантастическую приманку. Это фокусники, выбрасывающіе изъ шапки, которую они держатъ въ рукахъ, живую курицу, букетъ цвѣтовъ и цѣлыя вазы съ водой. Вѣдь это интересно даже и для разборчиваго зрителя. Конечно средство негодное, но вѣдь эти люди, столь страстно желающіе пройти въ число государственныхъ дѣятелей, не имѣютъ ни дарованій, ни знаній, а потому они и прибѣгаютъ къ той же недобросовѣстной конкуренціи (concurrence deloyale, unlauterer Wettbewerb), которой къ сожалѣнію проник-

нута вся наша современная жизнь. Со всѣми этими искаженіями идеи равенства надо посчитаться, какъ съ очень опасными для будущаго современнаго строя. Это дѣло мыслителей и политиковъ. Прежнія государства въ значительной мѣрѣ погибали между прочимъ и отъ демагогіи.

Но для того, чтобы съ надеждой на успѣхъ бороться съ столь опасной язвой какъ демагогія, недостаточно вызвать пересмотръ идеи равенства и стараться убѣдить массы въ необходимости такого пересмотра. Надо внимательно, и смѣло и прямодушно осмотрѣть современный соціальный строй. Пусть предложенія коммунистовъ негодны и неосуществимы, но это еще не доказываетъ, что все обстоитъ благополучно. Если будутъ приняты (какъ указано выше въ отдѣлѣ объ индивидуализмѣ въ народномъ хозяйствѣ) рѣшительныя мѣры къ прекращенію нынѣшняго хаоса въ народномъ и международномъ хозяйствѣ, къ возстановленію бо́льшей симметріи между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью и торговлей, то несомнѣнно положеніе рабочихъ массъ значительно улучшится и упрочится. Но этого мало. Желательно, чтобы тѣ мѣры, которыя были выработаны по порученію Версальскаго конгресса международной конференціею труда (8 часовой рабочій день, широкое огражденіе женщинъ и дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ и т. д.) поскорѣе вошли въ народныя законодательства. Далѣе, нельзя не отмѣтить движеній во Франціи (проектъ Лушера) и въ Германіи по предоставленію профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ извѣстнаго точно-опредѣленнаго участія въ управленіи фабричными предпріятіями, съ предоставленіемъ этимъ организаціямъ извѣстнаго числа акцій (во Фран-

ціи предполагалось до 25%). Во всѣхъ этихъ проектахъ есть одна мысль, которая заслуживаетъ особаго вниманія, какъ указывалось уже и выше. Если промышленость и торговля не вполнѣ частное дѣло, а государственное, выполняемое частными лицами, то и положеніе рабочаго въ этомъ дѣлѣ, не можетъ быть признано чисто частнымъ дѣломъ промышленниковъ и торговцевъ. Отъ этого взгляда въ сущности давно уже отказались. Но нельзя продолжать смотрѣть на рабочаго, который можетъ быть работаетъ на фабрикѣ уже много лѣтъ, какъ на совершенно постороннюю предпріятію силу. Такой взглядъ установился лишь съ перехода фабричныхъ предпріятій въ руки безличныхъ акціонерныхъ предпріятій. Это опасный взглядъ, какъ бы прямо наводящій на мысль о постоянномъ противоположеніи хозяина и рабочаго. При прежнихъ личныхъ отношеніяхъ невольно устанавливалось сотрудничество обѣихъ сторонъ въ одномъ дѣлѣ. Поэтому необходимо стремиться къ возстановленію прежнихъ отношеній, кто бы ни былъ владѣльцемъ предпріятія. Тогда и острый жилищный вопросъ, и вопросъ воспитанія дѣтей, и вопросъ о пособіяхъ на случай болѣзни и старости перестанутъ быть дѣломъ отдѣльныхъ, особо-гуманныхъ владѣльцевъ фабрикъ и получатъ одно общее, однообразное рѣшеніе. Надо-же, наконецъ, сказать, что недопустимо, чтобы положеніе рабочихъ хотя бы въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ было ниже достойнаго человѣка уровня. Въ этомъ отношеніи глубокія мысли высказаны проф. Гаммахеромъ (Hammacher, Hauptfragen der modernen Kultur, 1914). Онъ правильно указываетъ, что главной причиной остраго кризиса культуры — раціонализированіе всей жизни,

слишкомъ большое преклоненіе предъ разумомъ и логичностью. Въ хозяйствѣ одинъ принципъ — наибольшей выгоды, хотя бы съ доведеніемъ рабочаго до скотскаго положенія; въ умственной жизни специализація, доводящая до тупости и прекращенія творчества.

Но есть еще одинъ вопросъ, особо наболѣвшій и положеніе котораго является несмываемымъ пятномъ для современнаго общества, это вопросъ о правѣ на существованіе, правѣ, которое должно принадлежать каждому гражданину современнаго культурнаго общества. (Сравни изданіе «Свободное знаніе», статьи профессоровъ Новгородцева и Покровскаго о правѣ на существованіе). Въ существѣ дѣла названіе не соотвѣтствуетъ содержанію вопроса, дѣло идетъ о правѣ на достойное человѣка существованіе. Сразу чувствуется вся широта вопроса, близость его къ соціальному вопросу, къ вопросу о значеніи личности для коллектива и наоборотъ. Начнемъ съ одного краснорѣчиваго факта. Въ Лондонѣ ежегодно карается до 10 тысячъ человѣкъ за то, что они ночевали подъ мостами. Повидимому при этомъ руководствовались скорѣе соображеніями полицейскими о безопасности мостовъ и о нарушеніи общественной нравственности, чѣмъ какими либо другими. Иначе не могъ не прійти въ голову вопросъ о томъ, какъ они туда попали, какова ихъ жизнь, что довело ихъ до такого состоянія. Примѣръ приведенный одинъ изъ многихъ. Его можно было бы продолжить на низшей категоріи населенія Лондона, состояніе которой Бутсомъ (Life and labour of the people of London), опредѣляется словомъ нужда (want). Этотъ классъ ниже класса бѣдныхъ (Poverty); тоже самое можно найти и

въ другихъ городахъ и фабричныхъ мѣстахъ другихъ странъ. Для правильной оцѣнки такихъ фактовъ вовсе не надо прибѣгать ко взглядамъ утопическаго соціализма. Послѣдній вѣдь обѣщаетъ всѣмъ людямъ земной рай, по крайней мѣрѣ то, что теперь называется среднимъ достаткомъ, хотя бы и не въ деньгахъ, а въ квартирѣ, обстановкѣ, пищѣ, часахъ отдыха и т. д. Къ сожалѣнію къ этому можно только стремиться, какъ къ идеалу стараться приблизиться. Другое дѣло состояніе въ классѣ ниже класса бѣдныхъ, ночеваніе подъ мостами, положеніе несовмѣстное съ человѣческимъ достоинствомъ, можетъ-ли оно быть терпимо современнымъ культурнымъ обществомъ? И въ этомъ отношеніи надо вдуматься только, что даетъ современнымъ людямъ совмѣстное жительство въ обществѣ. Вспомнимъ знаменитаго Робинзона Крузое — современный человѣкъ, выкинутый судьбою изъ общества представляетъ собою самое безпомощное существо въ мірѣ. Каждый изъ насъ, членовъ культурнаго общества, можетъ удовлетворить собственными силами только одной небольшой нашей потребности — все остальное: жилище, одѣяніе, пища, матерьяльная и духовная получается отъ другихъ на началахъ раздѣленія труда. Понятно поэтому, что начало солидарности составляетъ основу современнаго общества, что это общество имѣетъ громадную власть надъ своими сочленами, оно можетъ посылать ихъ умирать за себя, повышать налоги съ нихъ до какой угодно высоты, предписывать имъ ихъ поведеніе въ отношеніи государства и другъ друга. Въ томъ числѣ предписывать имъ трудиться и жить доходами отъ своего труда. Но именно благодаря

значенію общества, благодаря могуществу его, нельзя въ демократическомъ строѣ, когда главою Государства является народъ, т. е. совокупность всѣхъ членовъ общества, отрицать за каждымъ изъ членовъ этого общества извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Это была бы грубѣйшая ложь или обманъ. Разъ весь общественный строй держится солидарностью, построенной на раздѣленіи труда и взаимной неразрывной зависимости членовъ другъ отъ друга, нельзя допускать, чтобы одинъ изъ членовъ этого народнаго верховенства, одинъ изъ органовъ солидарности оставлялся на произволъ судьбы, какъ издыхающее животное, что бы съ этимъ членомъ ни случилось. Въ Англіи уже съ Елизаветы въ законахъ о бѣдныхъ установленъ принципъ: каждый англичанинъ не могущій существовать на собственныя средства, можетъ поступить въ работный домъ (Working house). Работный домъ слишкомъ близкое къ тюрьмѣ учрежденіе, онъ представляетъ собой мѣсто содержанія скорѣе для лицъ не желающихъ трудиться, просящихъ милостыню, бродяжничающихъ и т. д. Но вѣдь общество не можетъ не признать, въ особенности въ виду хаоса, царящаго въ народномъ хозяйствѣ, что человѣкъ остается безъ работы не всегда по своей винѣ; что современный фабричный строй при хаотическомъ состояніи искусственно вызываетъ къ жизни запасную армію рабочихъ, изъ рядовъ которой и пополняются низшій классъ Буца, ночующій подъ мостомъ и т. д. Такого униженія человѣческаго достоинства современный общественный строй допустить не можетъ, не подрывая иначе совершенно довѣрія въ искренность демократическаго строя, въ искрен-

ность началъ солидарности, на которыхъ строй держится. Общество вполнѣ въ правѣ выставить начало невозможности для него содержать гражданъ, обязательности для каждаго трудиться и содержать себя какъ можетъ, хорошо или не хорошо, своимъ трудомъ. Но въ силу современнаго пониманія своихъ задачъ, общество вынуждено отступать отъ этого начала для нетрудоспособныхъ. Они всѣ отнесены уже дѣйствующими законами къ категоріи, содержимой на счетъ Государства: сумасшедшіе и идіоты, хроники тяжко больные (паралитики и т. д.), нетрудоспособные калѣки, дѣти до 14 лѣтъ, лишенные попеченія и охраны взрослыхъ, и временно тяжко больные. Но рядомъ съ этой категоріей должна быть поставлена еще новая категорія людей трудоспособныхъ, желающихъ работать и не получающихъ работы. Теперь они удѣлъ попеченія частныхъ учрежденій: Innere Mission въ Германіи, Попечительства о трудовой помощи у насъ и т. д. Но это недостаточно и непосильно частнымъ учрежденіямъ, помощь которыхъ умѣстна въ случаяхъ острой и вполнѣ кратковременной нужды. Съ упорядоченіемъ народнаго хозяйства категорія такихъ лицъ чрезвычайно сократится, но Государство, ничуть не подрывая основного непреложнаго правила, что каждый долженъ о себѣ заботиться самъ, обязано впредь такой категоріи оставшихся безъ работы не по своей винѣ предоставлять общественныя работы, а не желающихъ работать отправлять въ учрежденія принудительнаго труда. Бѣдности Государству не прекратить, она зависитъ отъ слишкомъ индивидуальныхъ причинъ и отъ отсутствія предпріимчивости, лѣни, наклонности къ

гулянкамъ, чрезвычайной плодовитости (ср. Seebom Rowntree, Poverty), но не допускать состоянія не соотвѣтствующаго человѣческому достоинству оно и должно и можетъ.

Въ случаѣ же международныхъ соглашеній можетъ быть установленъ не только максимумъ числа рабочихъ часовъ, но и минимумъ рабочей платы, когда дальнѣйшее пониженіе неизбѣжно уже приведетъ къ положенію недостойному. Установленіемъ такого порядка будетъ устранена одна изъ язвъ современнаго строя. Невозможно исповѣдывать демократическія начала, говорить о равенствѣ, признавать себя обязаннымъ защищать не только жизнь, но и здоровье, честь и имущество гражданина и допускать его вести недостойный человѣка образъ жизни не по своей винѣ.

Это кричащая ложь, подрывающая довѣріе ко всему строю, ко всей культурѣ. Много конечно въ нашей культурѣ и въ нашей жизни лжи. На это указывалось въ теченіи работы. Мнимое человѣколюбіе не помѣшало войнѣ, то-же мнимое человѣколюбіе, карая абортъ, оставляетъ жертву несчастнаго стеченія обстоятельствъ безъ врачебной помощи — дѣвушку родильницу, оставленную любовникомъ, мать многочисленнаго семейства, не имѣющую средствъ для поддержанія еще новыхъ дѣтей. Вся система свѣтскихъ отношеній — одна сплошная ложь, которая однако быть можетъ въ данномъ случаѣ имѣетъ свое благотворное значеніе въ смыслѣ замиренія людскихъ отношеній. Вопросъ о лжи въ нашей жизни конечно заслуживаетъ отдѣльнаго обстоятельнаго соціологическаго изслѣдованія, разумѣется, не во

вкусѣ въ свое время нашумѣвшей работы М. Нордау.

Но во всякомъ случаѣ надо желать большаго приближенія къ правдѣ. Это необходимо для оздоровленія общественной жизни. Пора выйти изъ періода громкихъ лозунговъ и фразъ. Надо честно и смѣло пересмотрѣть ученіе о равенствѣ и, нисколько не лишая идею равенства ея законнаго мѣста какъ идеала въ послѣдовательномъ развитіи человѣчества, дѣлать все для возможнаго ея осуществленія при естественномъ, реально-существующемъ и конечно никогда полностью не искоренимомъ неравенствѣ.

VIII

Современный партикуляризмъ.

Въ нашей культурѣ много недостатковъ опасныхъ для ея будущаго. Но уже и отмѣченныхъ наиболѣе яркихъ достаточно для того чтобы погубить ее и привести въ трепетъ людей, которые желали-бы замѣнить безсознательно стихійное развитіе общественнаго строя, происходящее далеко не въ интересахъ общества, сознательнымъ прогрессомъ. Къ сожалѣнію послѣ такой катастрофы какъ міровая война, замѣчается какое то топтаніе на мѣстѣ, какое то дѣтское желаніе говорить успокоительно: а у насъ все благополучно. Вотъ посмотрите: дѣйствіе всѣхъ учрежденій мирнаго времени возстановляется, Академіи и ученыя общества, выставки и театры заработали какъ всегда. А между тѣмъ бѣды надвинулись вплотную и вновь могутъ каждую минуту вызвать міровую катастрофу. Народамъ слѣдуетъ въ первую голову хорошенько честно помириться и приступить къ мѣрамъ по борьбѣ съ тѣмъ недостаткомъ современной культуры, въ которомъ можетъ быть заложена ближайшая причина будущей гибели, но съ другой стороны въ устраненіи котораго лежитъ главный и единственный исходъ изъ всего переживаемаго кризиса. Я имѣю въ виду современный партикуля-

ризмъ. Мы видѣли, что партикуляризмъ, неумѣніе выйти за тѣсныя рамки государства-города, объединиться въ болѣе крупныя единенія и приспособиться къ новымъ болѣе широкимъ горизонтамъ, явился главною причиною гибели древнихъ государствъ. Но о какомъ же партикуляризмѣ можно говорить въ отношеніи современныхъ государствъ. Кажется они являются формой государственной жизни для громадныхъ народовъ. Надо начать съ того, что дѣло идетъ вовсе не о какой либо новой утопіи въ родѣ Интернаціонала, всемірной Монархіи, всемірнаго соединеннаго государства и т. п. Но съ другой стороны несомнѣнно, что чисто партикуляристическія теченія, опасающіяся за самостоятельность существующихъ государствъ, упорно и недовѣрчиво относясь ко всякимъ международнымъ соглашеніямъ, причиняютъ громадный вредъ современному общественному строю. Эти соглашенія нѣчто совершенно реальное; они уже охватили рядъ сторонъ современной общественной жизни и установили въ своихъ областяхъ совершенно прочный порядокъ, не нарушавшійся десятками лѣтъ. Таковы договоры почтовые, телеграфные, телефонные, желѣзнодорожнаго международнаго сообщенія, таможенные, Краснаго Креста, по выдачѣ преступниковъ, по борьбѣ съ проституціей и т. д. Жизнь, настоящая жизнь современныхъ обществъ во всѣхъ своихъ отрасляхъ, не только въ хозяйственной, какъ мы видѣли выше, вышла за рамки отдѣльныхъ государствъ. Невиданныя во всей прежней исторіи единенія, быстрота обмѣна мыслей, объединеніе интересовъ всѣхъ народовъ на одномъ и томъ же событіи, наконецъ сходство внутренняго строя, все это облегчаетъ возмож-

ность единенія. Одинъ наглядный примѣръ. Будь это Японское Уголовное Уложеніе 1908 г. или Уголовное Уложеніе одной изъ континентальныхъ странъ, вы можете быть увѣрены найти статьи съ однообразнымъ содержаніемъ почти подъ тѣмъ же порядковымъ номеромъ. Это сходство и общность міровой культурной жизни не только облегчаетъ возможность единенія, но требуетъ такового. Отсутствіе единенія формальнаго задерживаетъ естественный ростъ объединенія реальнаго и вызываетъ неизбѣжно болѣзненныя явленія. Пора бросить страхи за самостоятельность національнаго и государственнаго самоопредѣленія отдѣльныхъ государствъ. Какъ коммунистическій строй съ упраздненіемъ всякаго значенія личности — вздорная утопія, такъ и здѣсь былъ-бы утопіей всякій тѣсно объединенный строй, при которомъ отдѣльныя національности пострадали бы въ своей свободѣ самоопредѣленія, объясняемой характеромъ расы, условіями внѣшними, духовнымъ наслѣдствомъ. Національности столь же нужны для жизни единенія, какъ живыя личности для отдѣльнаго Государства — это тѣ же основныя творческія силы. Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что эти личности національныя живутъ уже не внѣ общенія, а въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ. Отсутствіе органа, нормирующаго это общеніе, начинаетъ чувствоваться почти такъ же остро, какъ тогда, когда вслѣдствіе какого либо политическаго переворота, дѣйствительной государственной власти нѣтъ. Тогда каждый отдѣльный гражданинъ повидимому продолжаетъ жить прежнею жизнью, трудиться, на заработокъ свой покупать необходимые продукты, и даже пожалуй, въ лицѣ осо-

бенно беззаботныхъ, веселиться. Но параличъ или раненіе главнаго двигающаго нерва начинаетъ скоро ощущаться и самыми беззаботными и отражаться на чисто практическихъ сторонахъ жизни: разстраивается транспортъ, денежная система, и въ каждомъ маленькомъ городкѣ оказываются свои власти, не признающія властей сосѣднихъ городковъ. И вотъ надо сознать и проникнуться той мыслію, что отдѣльныя національности и Государства, такъ же какъ внутри Государства отдѣльныя лица, не могутъ больше жить другъ безъ друга. Такъ далеко пошло раздѣленіе соціальнаго труда. Оно уже распредѣлило нормально, въ качествѣ обыкновеннаго порядка, функціи не только между отдѣльными личностями, но и между Государствами и народами. Но такое раздѣленіе труда обусловливаетъ извѣстную зависимость другъ отъ друга, и государственная власть внутри государства поддерживаетъ эту зависимость или лучше сказать устраняетъ возможныя столкновенія, облегчаетъ всѣми своими распоряженіями, касающимися мѣръ, вѣсовъ, цѣнъ, денегъ какъ средства обмѣна, кредита и т. д. гармонію этихъ зависимыхъ интересовъ. Почти въ такой же степени въ предѣлахъ государства дѣйствующіе частные союзы тоже облегчаютъ планомѣрность распредѣленія труда между областями, отдѣльными мѣстностями, отдѣльными отраслями промышленности, торговли, сельскаго хозяйства. А въ международныхъ отношеніяхъ этого нѣтъ, выступаютъ отдѣльныя личности или частные союзы національные, каждый за свой страхъ, и получаются хаосъ и неупорядоченность, отъ которыхъ въ чрезвычайной степени страдаютъ всѣ народы, а когда хаосъ доходитъ до

кризиса, то открывается война. Это было неизбѣжно въ дикомъ догосударственномъ періодѣ, но это немыслимо при современной культурѣ. Поэтому пора, давно пора, признать наличность фактически существующаго мірового единенія, превратить его въ замиренную область. Это будетъ увѣнчаніе всей культуры, которая постепенно замиряла все большія единицы. Пора въ соотвѣтствіе съ основными началами всякой общественности, образовывавшейся всегда для прекращенія постоянныхъ войнъ и столкновеній, замирить и международныя отношенія и освободить ихъ отъ того дикаго характера, при которомъ всякія дѣйствія допустимы и нѣтъ международной совѣсти: все дозволено, отметается вся культура, всѣ даже основныя начала національныхъ культуръ. Какъ и въ замиренной внутри государства области борьба за существованіе не прекращается, ничего чудеснаго не происходитъ, но эта борьба осуществляется въ другихъ, болѣе мирныхъ, болѣе культурныхъ формахъ соревнованія, спора въ третейскомъ или обіцемъ судѣ и т. д.

Къ такому не тѣсно связывающему единенію народовъ никакихъ препятствій нѣтъ. Теперь въ значительной степени, благодаря христіанству нѣтъ и особаго различія культуръ. Такое замиреніе въ видѣ честнаго призванія къ участію въ обсужденіи міровыхъ дѣлъ всѣхъ культурныхъ народовъ будетъ великимъ шагомъ. Важно одно признаніе существованія постоянныхъ международныхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ необходимо согласіе всѣхъ культурныхъ народовъ. Признаніе открытое и въ мѣстныхъ законахъ необходимости по ряду вопросовъ, предварительно принятія какого либо рѣшенія въ націо-

нальныхъ государственныхъ законодательныхъ или административныхъ учрежденіяхъ, подвергнуть ихъ обсужденію въ постоянномъ международномъ совѣщаніи. Быть можетъ для начала не будетъ даже опредѣленнаго списка вопросовъ, а по предложеніямъ отдѣльныхъ государствъ будутъ вноситься на обсужденіе съ точки зрѣнія международной вопросы, касающіеся той или иной стороны современной общественной жизни, потому ли что въ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ національнаго государства разрѣшить такого вопроса всесторонне удовлетворительно нельзя, потому ли что имѣются основательныя опасенія въ возможности международныхъ столкновеній въ случаѣ разрѣшенія даннаго вопроса въ рамкахъ національнаго горизонта. Допустимъ даже, что все учрежденіе для начала будетъ носить только совѣщательный характеръ, не будетъ накладывать на отдѣльныя государства никакихъ даже международныхъ обязательствъ, не говоря уже о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ. Но одно возведеніе такого мірового купола, увѣнчивающаго всѣ отдѣльныя государственныя образованія, перенесеніе источника свѣта, опредѣляющаго ходъ общественной жизни всѣхъ культурныхъ государствъ, съ мѣстъ, съ низовъ на высшую міровую точку, дастъ болѣе высокое, болѣе безпристрастное выясненіе этихъ вопросовъ. Одинъ нравственный авторитетъ безъ всякихъ еще юридическихъ полномочій, законовъ, правъ и обязанностей, а тѣмъ болѣе исполнительныхъ органовъ, рѣшеній, принятыхъ такимъ совѣщательнымъ органомъ, образованнымъ изъ представителей всѣхъ культурныхъ государствъ, будетъ такъ великъ, что онъ неизбѣжно

отразится немедленно на рѣшеніяхъ отдѣльныхъ государствъ. Скажемъ болѣе, станутъ нетерпимы въ этомъ возвышенномъ воздухѣ, подъ этимъ міровымъ куполомъ сколько нибудь грубыя отступленія отъ современныхъ началъ культурнаго управленія страной, угнетеніе національностей, держаніе ихъ намѣренное путемъ искусственныхъ мѣръ на уровнѣ кастоваго строя, большевистскій строй со всѣмъ его терроромъ и нарушеніемъ началъ справедливости, соблюдаемыхъ даже краснокожими, подъ видомъ послѣдняго слова соціальной премудрости.

Первая глава Версальскаго договора, носящая громкое названіе «Союзъ Народовъ» и предусматривающая образованіе Лиги или Общества Націй, конечно не удовлетворяетъ вполнѣ назрѣвшихъ потребностей. Даже въ такой торжественный моментъ, какъ образованіе Союза Народовъ, не могли позабыть о врагахъ. Казалось бы, ясно одно: или дѣйствительно война кончилась, ее хотятъ избѣжать впредь и тогда надо прежде всего забыть о друзьяхъ и недругахъ и примириться, а потомъ уже переходить къ новому замиренному строю, или не стоитъ вовсе начинать неискренно и съ оговорками столь великаго дѣла. Когда не такъ давно выдающійся государственный дѣятель б. Президентъ Швейцарскаго Союза Мотта заявилъ свое сожалѣніе, что въ Лигѣ нѣтъ Германіи и Россіи, то по поводу Германіи г. Вивьяни отвѣтилъ рядомъ громкихъ фразъ. Въ такомъ дѣлѣ искренность необходима. Но даже болѣе, съ самаго начала (ст. 4) проявлено странное различеніе между главными союзными державами и не главными, а какъ то допускаемыми. Это все старые пріемы, надо дѣйствительно совлечь съ

себя ветхаго Адама, чтобы вступить въ новый міръ, или новаго міра не увидѣть. Не менѣе неудачна и другая сторона. Это попытка заранѣе опредѣлить компентенцію новаго учрежденія. Эта компетенція (за исключеніемъ ничтожнаго и случайнаго перечня въ статьѣ 23) главнымъ образомъ ограничивается случаями недоразумѣній между государствами, которыя могутъ повести къ войнѣ. Но надо же понять, что когда дѣло дошло до недоразумѣній открытыхъ, то тогда уже почти или вовсе поздно. Надо обезпечить возможность спокойной, нормальной, давно установившейся фактически жизни, надо дать возможность международнаго освѣщенія всѣхъ вопросовъ, которые по мнѣнію хотя бы одной державы, будучи внутренними вопросами какой либо державы, не могутъ однако быть приведены къ благополучному концу безъ содѣйствія или согласія съ другими державами, или безъ признанія нѣкоторыхъ общихъ новыхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Перечня поэтому быть не можетъ. Надо исходить изъ мысли, что вся жизнь культурныхъ странъ: производственная, торговая, умственная, гражданская и уголовно-правовая и административная вышла изъ рамокъ національныхъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ нуждается если не въ немедленной международной нормировкѣ, то хотя бы въ международномъ освѣщеніи. Только при такой широкой постановкѣ дѣйствительно назрѣвшія потребности будутъ удовлетворены и только при этихъ условіяхъ можно надѣяться, что не будутъ назрѣвать недоразумѣнія, улаженіе которыхъ всякими средствами для даннаго случая, когда корни лежатъ глубоко, будетъ большею частью неудачно.

Только при такихъ условіяхъ международный органъ будетъ развиваться и незамѣтно перейдетъ отъ функцій освѣщенія къ функціямъ нормировки, которая ни въ комъ не будетъ вызывать возраженій. И весь этотъ планъ совсѣмъ не такъ новъ, какъ кажется, чрезвычайно интересные и вѣскіе шаги сдѣланы уже во многихъ областяхъ. Достаточно привести хотя бы такой примѣръ. На основаніи Merchant Shipping Act 1906 г., въ значительной части потомъ воспроизведеннаго въ нашемъ торговомъ уставѣ (прод. 1909), Капитанъ надъ Англійскимъ портомъ, установивъ, что вошедшее въ портъ судно, хотя бы иностранное, перегружено настолько, что въ дальнѣйшемъ плаваніи грозитъ опасность для жизни команды и пассажировъ, имѣетъ право не только распорядиться о соотвѣтственной разгрузкѣ судна, но даже наложить на командира судна взысканіе. Спрашивается, въ силу какихъ полномочій и въ какихъ цѣляхъ дѣйствуетъ здѣсь Капитанъ надъ портомъ? Конечно, не въ интересахъ англійскаго государства, которые здѣсь не затронуты, а въ интересахъ такъ сказать международнаго охраненія жизни людей. Такихъ примѣровъ много и они наглядно показываютъ, какіе пути прокладываетъ сама жизнь.

Если это учрежденіе будетъ постоянное, то хотя бы вначалѣ оно не накладывало на отдѣльныя государства никакихъ обязательствъ, оно будетъ служить клапаномъ для выпуска сгущенныхъ паровъ, для сглаженія треній. Ему удастся предупреждать въ будущемъ міровыя войны. Когда открыли судъ въ Гаагѣ, то поступили преждевременно; для суда придетъ время потомъ, когда на основаніи дѣятельности учрежденія постояннаго выра-

ботаются и будутъ усвоены въ видѣ хотя бы обычнаго права извѣстныя нормы отношеній государствъ. Когда же послѣдовательно, какъ надо надѣяться, придутъ къ соглашеніямъ въ части хозяйственой и относительно числа рабочихъ часовъ, рабочей платы, и т. д., послѣдуетъ при существованіи такого постояннаго согласительнаго учрежденія возможное упорядоченіе внутренней хозяйственной жизни народа, то въ чрезвычайной степени убавятся поводы для столкновеній и войнъ. Уляжется этотъ недопустимый духъ постоянной злобной конкуренціи. Это несомнѣнно подѣйствуетъ на общее настроеніе. Одна возможность обращенія по каждому предвидимому еще только столкновенію къ такому международному ареопагу,который не будетъ выносить обязательныхъ для отдѣльныхъ государствъ рѣшеній, а по самой своей задачѣ будетъ употреблять всѣ средства для примиренія и соглашенія, вмѣстѣ съ оглашеніемъ на весь свѣтъ мнѣній большинства народовъ, окажетъ мало-по-малу успокоительное вліяніе, измѣнитъ нравы международныхъ отношеній и черезъ границы отдѣльныхъ государствъ повліяетъ и на духъ борьбы, дѣйствующій внутри государствъ. Устраненіе войнъ и опасеній таковыхъ дастъ возможность постепеннаго сокращенія войскъ. Но и въ области духа, идей, это расширеніе горизонта окажетъ чрезвычайно благотворное вліяніе, подымется вновь вышедшее изъ моды чувство человѣчности и гуманности, міръ идей восторжествуетъ надъ міромъ матеріализма и пессимизма. Человѣчество облегченно вздохнетъ, культура получитъ возможность дальнѣйшаго мирнаго, но сознательнаго развитія. Возрожденіе будетъ медленное, но прочное. Одно только необ-

ходимо, чтобы народы сознали всю грозную и неминуемую опасность при современномъ состоянiи и честно и искренно пожелали единенiя. Все остальное придетъ само собою, медленно, безъ чудесъ и утопiй.

IX.

Не есть ли это утопія?

Мнѣ могутъ сказать, что я написалъ 101-ую утопію, которая, конечно, не можетъ имѣть никакого значенія ни теоретическаго, ни практическаго. Мнѣ кажется, что упрекъ былъ бы неправильнымъ.

Ставится опредѣленно вопросъ: быть или не быть. Прибавлю, не только ставится, но даже массами признается такая постановка правильной. Не единичные мыслители, къ сожалѣнію ими современное человѣчество очень бѣдно, но массы ищутъ исхода. Человѣчество несомнѣнно находится на переломѣ; война показала, что въ прежнихъ формахъ жизни, какъ частной, такъ и общественной, пошли всюду трещины. И однакоже жизнь бьетъ ключемъ; во всѣхъ направленіяхъ предлагаются новыя частныя мѣры. И думается, въ виду приведенныхъ въ третьей главѣ соображеній о важныхъ преимуществахъ предъ предыдущими и нашей культуры и нашего общественнаго строя, коренной ломки не требуется. Нѣсколько успокаивающееся послѣ войны человѣчество къ такой ломкѣ не стремится, и соображенія, приведенныя въ предыдущихъ главахъ, тоже не предлагаютъ такой коренной ломки и не обѣщаютъ, что неоднократно подчеркивалось, земного рая, но указываютъ

тѣ направленія, по которымъ, послѣ ознакомленія съ причинами кризиса, необходимо итти. Даже болѣе, направленія, которыя предлагается избрать, въ существѣ дѣла частично, безъ связи съ причинами, въ отрывочной формѣ, предлагались уже.

Это въ особености вѣрно въ отношеніи, казалось бы наиболѣе утопичной, части послѣдней: «о мирѣ всего міра». Послѣ войны массы, а не только мыслители, задыхаются и негодуютъ отъ тѣхъ пограничныхъ рогатокъ, которыя современныя, въ особенности новыя государственныя образованія, разставили въ видѣ всевозможныхъ затрудненій въ паспортахъ, въ визахъ, въ разрѣшеніи пребыванія, въ разрѣшеніяхъ на ввозъ и вывозъ, хотя бы даже маленькой книжечки. Въ этихъ рамкахъ хозяйственная жизнь, которая, какъ выше доказывалось, давно сдѣлалась международной, возобновиться не можетъ, она просто погибаетъ. Увеличеніе числа маленькихъ государствъ значительно увеличило тяготы. Сами маленькія націоналистически настроенныя государства прямо погибаютъ отъ этого. Прежде они были провинціями другихъ государствъ, они получали сырье дома, но они и сбывали свои произведенія дома главнымъ образомъ. Теперь, всюду рогатки и свои и чужія.

И личность въ своихъ личныхъ, умственныхъ, родственныхъ, лечебныхъ и т. д. интересахъ страдаетъ неимовѣрно. И поэтому совершенно несомнѣнно, что сами народы, массы потребуютъ отъ своихъ правительствъ, чтобы, по международному соглашенію, рогатки были убраны, чтобы юристы выработали общія формы отношеній людей и къ своимъ властямъ и къ чужимъ, при которыхъ въ

случаяхъ переѣздовъ, перевозки и сношеній, можно было бы вовсе не считаться съ государственными границами. И это будетъ несомнѣнно въ ближайшее время.

И далѣе, миръ несомнѣнно будетъ сохраняться, ибо рѣшительно ни одинъ народъ въ дѣйствительности не расположенъ драться. Вспышка была такъ велика, такъ истощила жизнь, что будутъ угрожать на словахъ, мирно, но грубо насильничать, ибо теперь все грубо, но до настоящей войны ни подъ какимъ видомъ не дойдутъ. Это переутомленіе, истощеніе и духовной энергіи и физическихъ силъ, лучше всякаго положительнаго увлеченія миромъ обезпечить таковой на десятки лѣтъ.

Поэтому и здѣсь необходимо только найти формы международнаго постояннаго общенія, а желаніе и подготовленность къ этому у народовъ полная. Это вовсе не утопія, а самая, что ни на есть, очередная задача.

И болѣе того, формы ищутся. Созданіе Лиги націй вслѣдъ за войной, лучшее доказательство; это вовсе не простой декорумъ, это попытка, хотя и въ болѣе чѣмъ несовершенной формѣ, осуществить мысль, которая витаетъ въ головахъ всего человѣчества.

И Ллойдъ-Джорджъ, этотъ во всякомъ случаѣ, при всемъ своемъ оппортунизмѣ, совершенно выдающійся государственный дѣятель, нервно, суетливо, собирая конференціи, понималъ, что соглашеніе необходимо, что это очередная задача. Конечно, онъ не искалъ, какъ его упрекали, новыхъ мѣстъ для болтовни. И если теоретикъ и идеалистъ Вильсонъ и чистѣйшей воды практикъ Ллойдъ-Джоржъ приходятъ къ одной и той же

мысли, то это показываетъ съ несомнѣнностью, что мысль носится въ воздухѣ, что въ той или другой формѣ она подлежитъ осуществленію и при томъ въ ближайшее время.

И въ настоящей работѣ предлагается только дерзновенно одна изъ формъ такого общенія и при томъ назовемъ это постоянной конференціей. Другія формы болѣе невозможны. Невозможны болѣе всесвѣтныя монархіи или республики, потому что таковыя были возможны, когда культура народа покорителя и собирателя была неизмѣримо выше культуры побѣжденныхъ и когда чувство національнаго самосознанія, народной личности, еще почти не существовало.

Не предлагается даже ни соглашеній о разоруженіи, ни соглашеній о судѣ, какъ обязательно замѣняющихъ войну. Для всего этого не пришло время, на это никто не согласится даже въ настоящее время всеобщей подавленности.

Желательна постоянная конференція и при томъ безъ ограниченія компетенціи именно потому, что вся жизнь отдѣльныхъ народовъ во всѣхъ своихъ частяхъ стала международной. Сравненіе пояснитъ. Современная торговля основана на кредитѣ, а кредитъ основанъ на передовѣріи, такъ что банкротство самаго маленькаго предпріятія отражается совершенно неожиданно на самыхъ отдаленныхъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, крупныхъ предпріятіяхъ. Матеріальная волна убытковъ отъ гибели американскаго парохода «Титаникъ» въ волнахъ Атлантическаго океана, докатилась и до петербургскихъ страховыхъ обществъ. И такова вся жизнь современнаго человѣчества.

Поэтому, очередная задача измѣнить, смягчить,

хотя бы постепенно, установленія прямо архаической формы нетерпимаго національно-государственнаго суверенитета. Они являются корсетомъ, который тѣло переросло. Онъ жметъ, причиняетъ боли, задерживаетъ кровообращеніе, вызываетъ анемію. И это можетъ сдѣлать именно постоянная конференція изъ всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ культурныхъ, безъ программы, съ правомъ народовъ вносить на обсужденіе всякій вопросъ, ибо трудно заранѣе предугадать, какой вопросъ въ наше время не можетъ внезапно пріобрѣсти международнаго значенія.

И если эта конференція будетъ добросовѣстно составлена, безъ вліянія шовинистовъ и чрезмѣрныхъ поклонниковъ національнаго суверенитета, то она, мало по малу, пріучитъ правительства къ соглашеніямъ, какъ къ хорошему исходу, и вызоветъ образованіе ряда международныхъ обычаевъ, еще не облеченныхъ въ форму права, и эти обычаи могутъ со временемъ дать возможность дѣйствовать и международному суду, но никакъ не по вопросу о томъ: воевать или нѣтъ, а по болѣе сравнительно мелкимъ вопросамъ.

И война и вооруженіе отомрутъ постепенно, безъ всякаго спеціальнаго соглашенія, подъ вліяніемъ успокоенія и привычки къ дѣятельности новаго органа.

Скажутъ, но какъ же согласятся великія державы стать въ равное положеніе съ маленькими государствами, какое же положеніе займетъ могущественная Антанта. Но и это возраженіе сравнительно устарѣло. Что Антанты въ дѣйствительности нѣтъ, кажется, едва ли кто усомнится. Но и «великія» державы, повторяю, не имѣютъ въ дѣйствительности—бряцанія много—никакого

желанія показать свою силу, даже на самомъ маленькомъ государствѣ и поэтому несомнѣнно удовлетворятся, если въ такомъ постоянномъ международномъ парламентѣ имъ будетъ данъ не одинъ, а 4 или 5 представителей. И если постановленія такого международнаго парламента не будутъ вначалѣ имѣть обязательности, то на почвѣ его возникнетъ столько соглашеній, конвенцій, что они въ скоромъ времени опутаютъ цѣлой сѣтью участвующія государства.

Какъ общій выводъ: вѣроятно начнутъ съ международной постоянной конференціи, какъ наиболѣе легко осуществимой, а потомъ, какъ кажется автору, можетъ быть и совершенно ошибочно, пойдутъ по указаннымъ въ работѣ путямъ. Ну а если не пойдутъ — настоящей катастрофы, гибели (даже жестокій Шпенглеръ даетъ 200 лѣтъ) не наступитъ, но будетъ продолжаться и ухудшаться современное состояніе невыносимаго хроническаго истощенія. Вотъ почему и всякій одинокій и маленькій мыслитель долженъ, по мѣрѣ своихъ силъ, способствовать скорѣйшему переходу на правильные пути.

ОГЛАВЛЕНІЕ

